

ԽՆԴԱԳԵԻԽ

ՇՐԵՒԱՆԻԱ ՏՐԱԾՈՐԱ

ԴՐԵՎՆԻՄ

ՍԵԼԵՆԻԵ

ԿՆԻԳԱ

18+

Светлана Ярузова

**Полдень древних.
Селение. Книга 3**

«Автор»

2026

Ярузова С.

Полдень древних. Селение. Книга 3 / С. Ярузова — «Автор»,
2026

«Полдень древних. Селение. Книга 3» – часть большого цикла «Полдень древних», посвященного жизни и мироощущению предшествующего нам человечества, Четвертой расы (Арктиды). Художница Лина Прохорова все глубже погружается в чуждое бытие, узнает людей, оценивает события. Ей предстоит увидеть еще многое. Не только как предки воспитывали детей, но и то, как они общались со своими праотцами. Те, кого арьи считали божественным предками, людьми-богами, жили на Великом острове, известном как Атлантида. Древние культуры, дочернюю и материнскую, связывает сложная духовная практика. Так предки передают силу и знания потомкам. И все это непонятно, даже дико, для нашей современницы, воспитанной в убеждении, что мощь человеческого духа, способная творить чудеса – всего лишь миф. Сумеет ли Лина найти себя в такой сложной задаче – вопрос. Ведь ей предстоит общаться с теми самыми легендарными атлантами. Как они выглядели, о чем думали, чем отличались от своих потомков арьев, предстоит узнать.

© Ярузова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20

Светлана Ярузова

Полдень древних. Селение. Книга 3

Глава 1

Светлана Ярузова

ПОЛДЕНЬ ДРЕВНИХ. Селение
Книга 3

ПРОЛОГ

Явление нового героя... Сколько их уже было? Таинственные незнакомцы в потоке событий и обстоятельств. Несомненно значимые, несомненно важные...

Да, это жизнь, где перемены текут одна за другой. Каждую минуту в поле зрения оказывается какой-нибудь новый персонаж, а то и два, а то и десяток. Мы равнодушны к этому. Давно уже равнодушны...

Но когда все обстоятельства сошлись в фокус. Сошлись и высветили силуэт. И в этой встрече необычно все. И человек, и декорации, и условия встречи. И сам факт ее ожидания, когда надо многое понять и преодолеть в себе – танцевать, молчать, бояться, быть обманутой и обманывать самой...

Не было такого в привычном мире, в мире ее породившем. Возможно стало только здесь, в стране магов, Арьяна Ваэджо.

Лина. Обстоятельство двадцать восьмое

Но нет, не Сар... Черты иные. Другая сила исходит. Странная. Будто горная река. Неудержимый, шумный поток.

Такая идет от юных. Совсем детей. Мощная, жесткая, но вот, не объяснишь, какая-то гибкая, как едва вылупившийся змееныш. Игривая, верткая.

Да он мальчик совсем! Даже не взглядевшись видно. Осанка, походка, манера держаться...

Да и лицо... Такими упругими, со стремящимися вверх чертами, физиономии человеческие бывают, когда не минуло еще и двадцати.

Но борода, но рост... На голову выше, подбородок приходится заирать, чтоб разглядеть. Плечи широкие. И вся эта хищная, костистая стать... Воин. Даже если одет не по обычаю варны.

На парне светлая просторная сряда. Рубаха и штаны. Босой. Тонкий материал не скрывает темной вязи татуировок. Тонкими змеями ползут они из-за рукавов и ворота, сплетаясь узором на шее, на крупных узловатых кистях. Руки у него висят вдоль боков. Стоит напротив, нешироко раздвинув ступни. Мудра покорности-ожидания.

И сделан был шаг с каменного щита, места встречи в тайном урочище. Вместе с женщиной, готовой родить героя или получить великое знание, зовут люди-боги Великого острова. Они ведут и хранят ту, что позвала. И смотрят теперь с небес... Ждут...

Посему надо улыбнуться, протянуть руку, чтобы понял пришедший, что принят, ожил и улыбнулся в ответ. Стоит начинать?

Вопрос... Потому что изначально решено отказаться... Потому что ситуация дикая. Потому что обманули, заманили туда, где не надо быть.

Но такой ребенок... Жалко. Надо говорить, объяснять. Нельзя гнать сразу. Бог знает, что с ним будет. Свод порой жесток к людям, особенно к воинам...

И протянута была рука и получен ответ. Незнакомец поднял ладонь к лицу, слегка расставив пальцы. Так они показывают, что рады встрече.

- Вирата!

Крапива... Так переводится имя. Всплыл в памяти, ни с того ни с всего, персонаж из Махабхараты, добрый царь Вирата... Такая назойливая, не особо нужная, информация выпадает, как белье из набитого шкафа, в отчаянной, непонятной ситуации. Когда страшно, неудобно и надо хоть чем-нибудь отвлеченным занять мозги. Но прищельцу, если приглядеться, было не в пример хуже.

Да, пытался держаться дружелюбно, даже сносно изображал светское выражение лица. Но рука дрожала. Еле заметно. Он многое делал, чтоб это скрыть. «Приходят сильные. Те, кого место выберет и позовет...» Ратна, может ты ошиблась?

Арьи выглядели моложе своих лет. К этому надо уже привыкнуть. Однако, густая борода способна отрасти и у подростка. Всем этим мужчинам природа дарила щедрую растительность на лице. Ситуация выбила птенца из колеи?

Вопрос – насколько. Если присмотреться, блеск возбуждения в глазах совсем не чувственного был оттенка. Так они горят в лихорадке, на грани обморока. Зрачки метаются, будто примеривается страдалец, где можно безопасно упасть, спрашивает себя отчаянно: «Да что же это со мной?»

Нет, не от галантного приключения он обмирает. В лунном свете кисти, шея, ступни Вираты смотрелись бугристыми, как чешуя рептилии. Под фигурами и линиями рисунков кожа вздулась. Это их татуировки. Свежие и отчаянно саднящие... В краску подмешивают яд, катализатор, чтобы поле срослось с наколотой янтррой. И да, это несколько дней боли, пока желвак под краской не начнет рассасываться. Ну, или не закостенеет, как любили арманы. Чтоб, прям, драконьей шкурой смотрелось.

Нечто подобное, совсем недавно видела у одного мужика в бане. Наколки на следах медвежьих когтей. Так делалось, чтоб прогнать злую память. Били, естественно, как только шрамы зарастут. Заключительный этап целительской практики. Как закончили – неделю пластом лежал. Говорил, что гладким рисунок будет только через год.

Надо понимать, воины – народ покрепче, в госпитализации не нуждаются. Просто выглядят больными – жар, дрожь, нездоровый блеск в глазах... Хреново ему наверно. Зачем пришел?

Да кто ж знает, что у него на уме.

- Я – Лина. Можно тебя коснуться?

Не знала, почему спросила. Странное начало... Ну, потому, что и ситуация, и человек странные. Надо было как-то начать.

Не рассказывали, ведь, в деталях как надо, только в общих чертах. Но в жизни-то всегда с точностью до наоборот бывает! Что теперь говорить, что думать, что делать? Когда стоит перед тобой такой вот... Единственный в своем роде, при своих специфических обстоятельствах...

Улыбается.

- Окажи честь.

Вот так. Надо официально вытягивать руку и официально гладить. Ну, честь оказывать... Рука легла на голову. Густые распущенные волосы, откиннутые назад. Жесткие, крупными волнами. У большинства из них такие... Ладонь съехала на шею. Даже страх пробрал. Сейчас дернется и оскалится от боли.

Но не до этого ему, похоже. Улыбка с лица не сошла, только шире стала, обнажив два ряда ровных белых зубов. Горячий как утюг, желваки эти под рисунками твердые, будто деревяшки под кожу загнали. Вот, что человек хочет от себя и от жизни? Постоит еще минуту и в обморок хлопнется...

Как ни пытайся, не привыкнешь к ним. Другая стихия.

Шатнуло вперед. Вирата ловко поймал руку и притянул к себе. Порывистый жест. Слишком. Они не всегда умели соотносить свои движения с чуждой им телесностью. Ну, не умела она делать тело каменным и вытягивать руки до нужной длины, как инспектор Гаджет. Не умела и не пыталась...

Нос уткнулся в виратину рубаху. Начались попытки отпрянуть. Как-то невежливо сразу падать в объятия. Вирата неловкости не испытывал, было ему, видно, не до чопорных поклонов. Часто дышал, говорил горячо:

- Мечтал о такой, как ты. И дали боги. В точности. Прошу, не отталкивай, как узнаешь.
- О важном просил, со слезами на глазах. В звуке голоса эти слезы всегда слышны...
- Что я должна узнать?
- То, что тебе не понравится. Ты первая у меня.
- Почему решаешь за других? Понравится – не понравится...

Парень с минуту смотрел на нее и все сильнее сжимал руку. Ринув к себе, выпустить позабыл. Когда дернулись и зашипели, опомнился. Заговорил быстро, с отчаянием в голосе:

- Тогда возьми у меня это. Прошу.

Как-то никогда не знаешь, как себя вести в подобных обстоятельствах. Спустились ангелы, предложили стать императором вселенной. Ну, чего там стесняться? Дают – бери. Хотя полным идиотом себя ощущаешь.

И немедленно включается мастер идиотских вопросов.

- Сколько же тебе лет, милый?
- Двадцать пять.

Ну да, недолгое время тому он принял посвящение и, соответственно, теперь в поисках любви. Кому нравятся коллеги, а кому, вот, экзотика...

25 – грань детства и зрелости. Когда тело матерое, а мозги будут расти еще лет пятьдесят. Но это воин, не положено ему выглядеть нежной, хрупкой молодью. Как только в возраст вошел – должен впечатлять, быть с виду сильным, крупным, пугающим. Уже с порога знать, что делать и куда себя деть. Ибо жизнь к ним безжалостна...

Высокий, крепкий, обросший шерстью во всех нужных местах, молодой зверь. Со спины от зрелого не отличишь. Если только линии стройней и легче. Сам абрис какой-то небесный...

В общем, ребенок в стильном, от знаменитого разработчика, экзоскелете. Таком огромном, из японского аниме. Мальчиш-сокрушитель...

Парень прикрыл глаза и посмотрел в сторону, сделал шаг назад, потом еще один. Пауза, наверное, была слишком длинная. Задумалась как-то, залипла на мимолетном впечатлении от растерянности. Ну не каждый же день такое бывает...

Да и отказать, ведь, хотела. Что-то говорить, объяснять... А тут даже слова гладкие и мудреные не нужны, сами поняли...

Но оттолкнуть... Такого?

Черт, как ребенка ударить... А там уже обиделись, замкнулись, решили, что мир рухнул... Как всегда у младших братьев. Которых ты старше всего-то на пару лет. Но автоматом воспринимаешься как мать. Всю жизнь. Даже на девятом десятке...

Еще один шаг прочь сделает это обиженное дитя – и все, уже не догонишь. Очень такая, приткая публика. Едва успела ухватить за подол. Ну, а ухватив, чего отпускать? Любопытно же посмотреть что там под рубахой...

Вирата. Мета первая

Даже не знал, что во мне есть такое... Сила, блеск... Чтоб боги выбрали. Выбрали еще до того, как взрослым стал. Мыслимо ли такое? Ведь вышние говорят с теми, кто на них похож, по сути близок... Это я?

Боль и тяжкое беспокойство – такие вопросы. Все знакомое, привычное мнется, как небрежно брошенный покров... Они ошиблись? Я многого не знаю о себе? И что должен знать?

Последним из тех, с кем боги говорили, был сар, могучий воин из арманов. Не тягаться мне с ним. Что может дать ученик в сравнении с матерым ксотрьей, к тому же наполовину жрецом?

Сам говорил, что боги непостижимы, выбор их человеку не понятен. Но большое благо и честь.

Сквозь мрак ощущаешь насколько это благо. Будто весь мир открыт тебе, лежит на ладони. Огромно, чего в нем только нет, будто открылась еще пара глаз, выросла еще пара ушей! Во всех тонкостях видишь его красоту и блага. И как смысл, как ключевая янтра – лицо избравшей тебя жены, ее тело. Блестит неземным светом, дарует то, что давно забыто. Женское тепло, запах, что от матери шел, непередаваемый, несравненно прекрасный.

Явится тебе такое видение – горы свернуть готов. Ум мутится, но тело собрано как пружина, своим произволом живет. В немыслимом страхе, боли, держится. Божественная жена за руку ведет.

Может смерть мне была суждена, если б не она... Боялся очень. Не из тех я, кого сильным человеком можно назвать. Сомневался, что выживу. Были причины...

Но выжил... Вот так, неожиданно и странно. Бывает подобное у людей? Или я – избранный?

Навряд ли... Но жизнь моя теперь – служение той силе, что удержала в бытии, удержала с какой-то своей непонятной целью. Бережно хранила, вела...

Но... Испытания показывают человеку всю его волю жить. Говорят о готовности разум свои господином сделать. Нельзя в них за руку с кем-то идти. Беда, если не дают до капли ощутить свою мощь. Самому! Вроде, нежитью становишься у благодетеля. Стало быть, у женщины этой и тех, кто ее ведет. Людской это рок?

И Сиги, тот арман-сар, что говорил с богами, тоже стал их янтрой, подходящей на человека, действующей как человек? Но без своего пути... Вместилищем чужой воли?

Кто знает...

Лина. Обстоятельство двадцать девятое

Вирата... Запомнился очень одним моментом. Лежит в траве. Пристально смотрит. Улыбается краем рта... Бог весны. Неведомо ему еще пока, что это – вздувшиеся жилы, покореженные непосильной ношей мышцы, как уродливые камни из карьера. Их бьют, крошат. Приводят к кондиции, где все просчитано, послужит делу. Но это обрубки дикой грубой формы, как получилось, как вылетело из-под кирки...

Юный воин... Из страны полуденной. Шея, руки, плечи, в багровых буграх, но формы безупречной. Как на медных античных истуканах. Прекрасных... Какими самой только любоваться. Любой посторонний взгляд – кошунство. Просто очень личное это – красота и ее зритель. Для двоих...

Взгляд скользит по линиям и изгибам. И как финальный, самый пронзительный, резкий аккорд – волосы рассыпавшиеся по траве. Длинные, золотые, нимбом вокруг головы.

Этакая глобальная солярная янтра с лицом в центре... Оно – мера вещей...

Утро. Трава еще не просохла. Среди мокрых стеблей – солнечный свет. И юный бог, лежащий в траве... Протягивает руки.

- Иди же!

Тепло его тела, близость прекрасного лица – лучшее, что случалось в жизни.

Но это поверхность все...

Нутро тискажи жмет страшная тайна. Они не забываются эти рассказы людей и вещей о себе. Долго помнятся, будто вчера было. Кусок жизни. Твоей и не твоей...

Эта правда была о Ратне и тех к кому она стремилась – людях-богах Великого острова...

Случилось это не в первую встречу. Много их было, и в лесу, и в доме. Но однажды все-таки унесло. Ощутилась темная, глухая глубина видения. Это сперва как в меховом мешке, потом на свет выходишь. И начинается – реальная, совершенно, жизнь, с множеством звуков, запахов, деталей. Только не твоя. Такая, которой не может быть у тебя...

Комната в ярких фресках, бликующий бассейн посередине. Волны кидают волнистых солнечных змей на стены и лица... Резные каменные лавы вокруг воды – на лавах люди. Сидят, полулежат, улыбаются, пристально смотрят. Родные! Мои родственники из снов. Сколько раз уже их видела...

Голос:

- О чем ты хотела спросить нас Ратна-Илгара?

То есть как Ратна? Это я! Я пришла к вам!

Спрашивает смуглый старик в яркой одежде, платье таком, не слишком длинном, скроенном по фигуре, броском, заметном, в алых и белых узорах. Как акцент и маркер статуса – широкий пояс в золотом шитье. Подобные красоты не редкость на генеральских мундирах. Старика зовут Якинодль.

Вот, не объяснишь, очень сложно разобраться в роде их занятий – на важном этом старце бремя защиты, он искусный воин и мореход, ведьмак страшной силы. Такой, что может взглядом и убить, и воскресить. Но не царь, просто человек долга.

Зезе... Обращение к мудрецу, человеку, который видит все и исчерпывающе. И что же ты, ста, не узнал?

Узнал... Узнал, конечно... Вон она, сидит, по другую сторону водяной чаши. Привычно одета, в арийском платье с поневой, привычно оживлена – глаза горят, на щеках румянец. Зараза же! Из того самого небольшого процента женщин-маньяков... Для которых нет препятствий, нет приличий. Они хотят знать и ощущать. Любой ценой. И точка!

А я – поодаль, будто с соседней лавы наблюдаю... И не видит меня никто. Или не хочет видеть?

Поглядим...

Ратна взмахивает руками, говорит запальчиво, хочет знать правду:

- А спрошу в лоб. Ведь вы знаете, кто я, а я знаю, кто вы, - широко, наивно улыбается. Как она умеет – обворожительно. И прелестной, живой этой, улыбке противоречит вопрос, - Почему вы дали себя убить?

Якинодль смеется. Не издевательски – весело и легко. Как смеются удачной шутке. Неспешно ведет ладонью по лицу.

- Ты как трехлетнее дитя, честное слово. Спрашиваешь, почему Луну нельзя снять с неба, чтоб поиграться.

Ратна скалится, выражение лица жесткое.

- И все же я задала вопрос!

И вдруг ощутил взгляд. Искоса смотрела и улыбалась женщина, сидящая на лаве рядом со старцем. Зрелая, красивая, уверенная в себе. Альятанка, ее звали. Тоже сложно объяснить, кем она была здесь. Матерью, учительницей, той на которой держится мир общины. Когда она приходила, всем становилось хорошо и разрешались споры. Женщины местные очень напоминали своим видом и манерой одеваться жительниц древнего Крита. Ходили топлес, в широких ярких юбках. Осанистые с безупречно прямыми спинами, тонкую талию сохраняли до седых волос. А грудь... У зрелых женщин это была грудь матери – заметная, со всеми отпечатками жизни и судьбы, гордо несомая, как ее и подобает нести.

Альятанка, чуть нагнувшись, опершись локтями о колени, смотрела теперь в упор. Видела. Можно не сомневаться видела и вторую гостью. Улыбалась ей. Потом повесила голову,

встряхнула кудрявыми черными волосами. Ей тяжело было слушать, в беседу надо врываться и мирить всех этих упорных дурней!

- Ратна, милая, но ведь ты же не винишь человека в том, что он прожил еще один год и сделал шаг навстречу смерти!

- Но уходить из жизни добровольно, этой самой смерти боя не дав – это трусость и ничтожество! - Ратна стукнула кулачком по каменной лавке. Ушиблась, наверное. Брови ее поползли вверх, встали домиком, уголки губ опустились, на глазах блеснули слезы. Выглядела она в точности как трехлетний малыш, готовый заплакать.

Вихрем взметнулась яркая юбка, стремительно рванулось в бег смуглое стройное тело. И вот уже сидит Альятанка в обнимку с гостьей, оглаживает плечо, целует в макушку и смотрит поверх ее головы, пронзительно, со значением. Будто сразу к обоим гостям общается – видимой и невидимой. Тепло улыбается и утешительно, слегка вытянув губы трубочкой, шепчет на ухо Ратне:

- Милая ани (это они так девушек называют и молодых женщин). Что же хорошего в том, что человек застрял в детстве или юности и нипочем не хочет взрослеть? Сама же ты несколько лет назад размышляла о правоте своих действий. И права была. Умершая оболочка – рай для форм жизни, селящихся в ней. Почему их надо отвергать и всеми силами длить жизнь умирающего?

Ратна отстраняется. Смотрит удивленно. Ее губы едва заметно движутся, потом рождаются слова.

- Но если вы следите за мной, почему не отвечали? Почему заставили пойти на преступление?

Альятанка качает головой. И невольно ей сочувствуешь... Нет яли (так обращаются к зрелым женщинам) не будет тебе покоя от этой спорщицы. Она даже и имени твоего не спросила.

- Потому что не о чем говорить. Мы разные. Энтузиазм творца, едва взявшегося лепить сосуды, не сравнится с усталостью и разочарованием середины пути. Ты, обретшая разум в начале творенья тел, нас, отягощенных миллионами лет трансформаций, просто не услышишь.

- А стоило бы попробовать! - в беседу вступил высокий парень лет 20. Стоял, опершись о спинку лавки, неподалеку от Якинодля. Этаким персонаж с минойской фрески. Волосы цвета воронова крыла, едва не до пояса, резкое красивое лицо, одежда весьма скудная (шорты), но сложно, виртуозно сшитая. Звали его Локуль. Локуль ди. Ди – обращение к юношам и молодым мужчинам, наподобие японского -кун.

Был этот Локуль одиозной фигурой. Хитер, умен и деятелен не по годам, таких уважали. Считалось, что энергия юности в совокупности с высоким интеллектом и любопытством к жизни, какое бывает у выдающихся ученых – редкий замес.

Лучше Локуля мало кто мог разработать план действий, особенно когда речь шла о предприятии новом и неизвестном. Можно назвать его технологом и стратегом. Кстати, хорошо разбирался в местной замысловатой машинерии, умел с ней ладить и доводить до ума.

Ратна повернула к нему лицо. И хоть была в расстроенных чувствах, нечто во взгляде ее поменялось. Вот не объяснишь, всегда меняется у подобных ей. Какой-то неуловимый сдвиг и перед нами фотомодель... Впрочем, Локуль не очаровался, жестокие вещи говорил:

- Есть шанс услышать и понять. Привычный тебе жизненный цикл – сбрасывать тесные покровы. Ведь ты не жалеешь их. Теперь сравни малый цикл и большой. Расы – те же покровы и меняться они должны.

Локуль усмехнулся.

- Какую из своих костяных одежд ты считаешь лучшей и не готова отказаться от нее даже под страхом смерти?

Ратна нахмурилась и хотела ответить, но неожиданно заговорил Якинодль:

- Ты близка к богам, Ратна, а значит, понимаешь себя основой, а не личностью воплощения, в каком бы теле не пришла. То, что ты принимаешь всерьез и готова биться за каждую пядь – всего лишь игра...

- Удобная философия, ста! – Ратна досадливо взмахнула рукой и прищурилась, - Прохлаждаться и упускать возможности, потому что живешь лишь миг! И сколько таких мгновений должно быть упущено? Сколько добра, красоты и правды полететь прахом?

- И прохлаждаться и упускать возможности, и пускать прахом, ани. Гордыня – дверь в обиду, а обида – это тело отчаяния. Ты как малое тело с подобной сутью будешь питаться соками общности и ничего не отдавать взамен. Зато настоишь на своем.

- Но смирение и недеяние – плохая игра, когда рушится дорогой тебе мир. Мир, где разуму удобнее всего! Будешь спорить, ста, говорить, что это не так?

Очень в этой позе и выражении лица узнавалась собственная ее беседа с татой Инзи... Спор надутого трехлетки, который хочет Луну, с терпеливым седым дедом.

- Вы считаете баловством то, чем последовательно заняты мы и то, чем пренебрегаете Вы? Что мешало вам понять, что со временем можно работать и воздействовать на его ход? Достаточно просто притвориться, что меняетесь, добавить в ход событий нечто из прошлого и будущего. Контролируемо добавить, ввести в единство рознь, разделить на группы и анклавы, как это мило следующим за вами человечествам. Сделать вид, что разделились, сыграть в эту игру, если это так надо Манвантаре, если она настойчиво этого хочет, как нового лакомства!

- Притворяться, чтоб утратить свою суть? Сперва в игре, а потом на деле? - в беседу вступила Талита-яли. Выглядела как девушка, но все-таки яли. Яли – не просто старшая женщина, яли – мать. Так они понимали эту суть и так называли. Подобным образом обращались к женщинам, у которых были дети, независимо – маленькие или взрослые. Можно было даже не рожать, но если знаешь, куда вести тех, кто смотрит на тебя с надеждой – ты мать.

Много странного было в их общественной структуре, не вдруг поймешь и разберешься...

Талита выглядела моложаво. Смугла, стройна, безупречно прямо, с тяжелым пучком смолых волос. Одета по их моде, топлес, но широкую юбку дополнял низкий, с изысканной яркой вышивкой, корсет. Она даже встала, обращаясь к госте.

- А почему нет? – сердито щурила глаза Ратна, - Та, взамен которой я пришла – из страшного времени. Но даже эти демоны в телах людей делают то же, что и мы, меняют законы своего общества. Мостят в своей адской общественной пирамиде комнаты утопий. Слепые, глухие, забывшие о людской своей природе, все равно пытаются! Их можно понять, вас нельзя. И гордыней одержима не я а вы, закосневшие в своем немислимом совершенстве! Упаси вас боги хотя бы немного притвориться и покривить душой!

Круто она их пропесочила! Дает, тетка! Хотя людям Пятой расы тоже не польстила...

Талита пожала плечами.

- Ну вот будет жить в веках это ваше сверхобщество, миллионы лет, грубо ломая законы бытия... И ради какой цели? Что оно такое, чтобы иметь впереди почти вечность?

- Как что? – Ратна отстранилась, откинулась на спинку лавки и настойчиво уставилась на собеседницу расширившимися глазами. Даже побледнела.

- Ломая законы бытия в своей жизни, ты ломаешь их везде. Вынуждаешь жить, как тебе нравится и покровителей, и чадь. Даже если они не согласны. И это ты называешь гармонией мира, близкого к богам?

- Если бы твой мир имел некое великое предназначение и выпадал из законов бытия – ты бы с нами не говорила, - в спор степенно вклинился Атринак дие. Крупный статный мужчина, одетый так же скудно, как Локуль. Лет 30 с виду, приветливый, открытый. Насколько любезна может быть грозная гора мышц. Пробить его на отрицательные эмоции не смогла даже такая заноза, как Ратна. И что за диво, Атринак был дие – взрослым мужчиной, покровителем жен-

щины. Дие называли отца, отца не только своим детям, а всем, кого нужно опекать и вести. От подопечных, видно, приходилось терпеть многое. Привык. Это было не вселенское терпение Якинодля и не холодный интерес Локуля, это была еле заметная улыбка, скрытая в углу рта. Так смотрят на заупрямившихся трехлетних правдоискателей...

Статус дие с ходу определялся по внешности. Бритый череп, который украшала специфическая шляпа-баранка без тульи. Обычно черного цвета. Фигуру Атринака такое убранство делало еще более монументальной. Здоровенный этот дядька расслаблено сидел на лавке – нога на ногу, а рядом, где-то под мышкой примостилась та, кому он покровительствовал. Удобно устроилась, по-детски подобрав ноги на лавку. Маленькая хрупкая женщина, чуть более щуплая и бледная, чем здешние обитательницы. Ее звали Еилья яли. И она была больна. Генетическое заболевание сделало ее осторожной в движениях, заставило уйти из внешнего мира вовнутрь. Она была знаменитой ясновидящей, женщиной умной и отважной. Не всякому по силам знать будущее...

Ратна злобно, затравлено воззрилась на неожиданного собеседника, но Атринак продолжил:

- Тем, кого мир выбирает гребнем волны, не надо воевать и доказывать. Все дается само. Злость и возмущение, борьба с несправедливостью – не про таких людей. Они просто делают свое дело, как могут. Им ничего не мешает.

Ратна даже рот приоткрыла.

- Много тысяч лет вы все никак не можете догадаться, что ваша планета ведет себя как мягкая любящая мать, просто переживающая бурю в стакане воды, - Атринак улыбнулся, - Ее порой устраивают подрастающие дети, опьяненные соками тела. И спорить с ними бесполезно. Она ждет, пока вы поймете и примете ее правду. Ведь она не случайно выбрала срединный мир. Подумай, ани, мудрое, намного более древнее, чем ваша культура, существо, все никак не прельстится блеском мира богов... Как думаешь, почему она не хочет за вами?

Ратна ошалело смотрела на Атринака. Потом зажмурилась и помотала головой. Ей нечего было ответить. Этот быкообразный, улыбчивый мужик был прав. Когда она подняла голову и снова уставилась на собеседника, заговорила Еилья:

- Ты пришла в этот мир не сама, Ратна, нашей матери Гайе тебя подарила Хисткри. Ведь так вы называете свою планету? – голос Еильи, тонкий, почти детский, напоминал звон отдаленных колокольчиков, - подарила, для того, чтобы ты увидела суть перехода между расами и перестала его бояться. Ты встретила женщину, которая даст Гайе еще один шанс. Еще одну возможность выбрать жизнь, вместо тотального разрушения, которое неизбежно принесет цепляющаяся за жизнь Пятая раса. У людей есть выбор – жить дальше, изменившись, все более походя на родных тебе арьев, или умереть. Гайя хочет жить, ей дороги мы, ее дети. Твоя жизнь – ее рассказ, что все остановившееся в развитии, становится живым мертвецом.

Ратна с минуту переводила взгляд с Атринака на Еилью. Потом вскочила.

- Нет! Не морочьте мне голову! Не верю и больше не хочу говорить с вами!

Ее сжатой в кулак руки коснулась смуглая кисть Альятанки. Та по-прежнему находилась рядом и вела себя расслабленно и ровно, еле заметно улыбалась, глядя на все выпады гостьи.

Ратна обмякла и шлепнулась на скамью рядом с ней. Альятанка притянула ее к себе, обняла.

- Я знаю, о чем ты думаешь. О машине, чуть было не погубившей одного из твоих мужчин. Но едва сев на престол этого устройства, ты уронишь весь мир в пропасть.

Альятанка провела по кудрявым, разлохматившимся локонам Ратны, улыбнулась.

- Ты зря стрижешься, ани. Путь прямолинейных поисков правды и отчаянного отрицания иллюзий – не для женщины и не для мира женщин. Все тоньше и сложнее на этой земле.

Плечи Ратны задрожали, она прильнула к Альятанке. Плакала навзрыд. Та продолжала ласково гладить ее по волосам.

Яркое тропическое солнце ослепительными пятнами заливало пол, казалось это лава, раскаленная добела. Шумела за чередой алых колонн сочная южная зелень, странно, протяжно, как на другой планете, кричали птицы. Попутная вежда, с привычной им природой и обстановкой... Доводилось путешествовать по этим местам. Во сне доводилось... Благодатный край. Великий остров во всем блеске щедрой тропической природы. Их родина...

- Тебе стоит найти точку гармонии, ани. Ты надолго останешься у нас, увидишь тех, кто умеет искать равновесие лучше нас. Думаю, удастся тебе найти общий язык с мужами и женами страны Му. Отличаясь внешне, духом и складом походят они на твоих земляков. Увидишь.

Альятанка плотнее прижала к себе гостью, поцеловала в макушку и опять этот смеющийся взгляд поверх. В упор. Альятанка опять говорила с двоими.

- До встречи Лина ани! – пронеслось в голове.

Мир поплыл перед глазами, превратившись в цветную центрифугу. Било и бросало в гудящей полосатой трубе...

Ратна. Мета восьмая

Свершилось желанное! Я победила! И как обычно за такими словами – пустота. Немой вопрос: «И это то самое, с боем выцарапанное благо? Вот вся эта дурь?» Всегда задаешь себе тот же вопрос. Много жизней подряд... Задаешь и каждый раз смеешься. Знаешь, что ни в одной из них не будет покоя и ясности. Творился мир для другого...

И много жизней подряд любое делание ввергает в ритм движения и страсти с вечным холодным голосом у затылка: «Ты, ведь, знаешь, чем кончится!»

Блаженны люди. Они не слышат этого тихого шепота, вдохновенно играют, с героическими лицами дают себя обмануть. Не понимают ничтожества всех своих игр и интересов. Боги иные. Они, конечно играют... Но за спиной всегда слышны холодные жестокие слова... Как припев...

Такова цена знания и силы. Это возможность понять, что тебя обманывают. Обманывают всегда... И будут обманывать. Сладко шептать на ухо: «Вот, уже сейчас, сейчас будет счастье и ответ на мучительный вопрос.» Все для того, чтобы ты влекся в толпе из множества подобных и позволял жить тому большому, что из тебя состоит... Все таковы, и боги, и люди, и демоны. Только боги знают, что свободы воли нет. Есть изменчивая закономерность. Один выдох Творца короток, другой длинен, третий блажен, четвертый мучителен...

Я, стоящая у врат Вайкунтх, знаю... И страшно не права в сравнении с человеком. Другом моим, Тавимой. Он не менее остро осознает тщету жизни. И осознавая, просто включает эту истину в ход бытия. Ведь можно быть за гранью материи, находясь в самой ее гуще. И все роковые вопросы отходят во тьму. Для чего? Что из этого будет? Каким я стану свершив задуманное?

Не все ли равно! Ты воин – сражайся. Вопросы излишни. Это игра...

Мне надо было идти за ним и выбрать путь вайсnavи. Тешить себя бессмысленными днями, никуда не стремиться и покоряться необходимости, не думая о будущем. Как цветы, звери и птицы. Во всем горьком знании разума...

Вот поэтому мы, люди-боги приходим в круг низших, не столь умных и сильных, казалось бы, но знающих нечто такое, что тягостно непонятно нам в светлых, блаженных мирах...

Приходим, не осознавая, что сокровище это, мир где добро трется о зло, высекая искру изначальной ясности, есть в каждом из нас. В каждом...

В моих крылатых сестрах есть та же изначальная тьма, что и в людях-богах Великого острова. Те же великие предки стоят за нашими спинами... «Куда стремишься ты, имея в себе весь мир?» - так спросил меня праотец местных-людей богов, огромный черный мудрец. Добавил: «Просто посиди, подумай. У нас впереди жизнь...»

Иногда, чтобы догнать, надо остановиться, а чтоб обрести – о нуждах своих забыть...

Лина. Обстоятельство тридцать первое

Чувства, слезы, моменты умиления и приступы стыда... Они снова вернулись в жизнь. Как порывы ветра над зацементированными, посаженными на железный каркас, мозгами. Конструкт этот, который условно можно назвать жреческим мироощущением, проявился после многолетней комы.

Представьте – то, что делало овощем в веке 21 от рождества Христова, в веке 31 до него, выводило в категорию чистого разума. Когда этот самый чистый разум – этакий господин жизни. И на шевеления плоти смотрит с кривой улыбкой ученого, наблюдающего мышь в лабораторном лабиринте: «Да, коллеги, животное, вполне предсказуемое в своих рефлексах и инстинктах. Может повести себя странно, но этому есть научное объяснение...»

Я – исследователь, то есть, наблюдаю за собой функционером... Веселенькая история. Получилась такая в голове, конечно, не сама. Наивному Сару, с его приворотами, далеко было до искусства жрецов. Это знаете, больше чем неконтролируемые порывы тела, это вывернутые на изнанку мозги. Что ж они со мной наделали?

Базово, конечно, все узнавалось. Мухомором ядовитым всегда была, с самого детства. Но тогда так говорила совесть. И здравый смысл... Когда морочат голову и уверены, что получится, но ты в свои 6, 8, 15 откуда-то понимаешь скрытое насилие творящегося. Не веришь, что с тобой так поступают, но уже представляешь чем кончится.

Базовое недоверие к миру...

А сейчас – сейчас просто смех. Хохот... Симпатия к человеку, любовь, жалость – ха, ха! Опять ты, старая дура, забыла цену иллюзиям! На самом деле, нет, не любовь и не жалость – а конкретно то-то и то-то, пошлыми словами, едва не матом. Именно таков смысл этих красивых жестов...

Будто сама понимаю, но мне лет двести, за плечами долгая мучительная жизнь со всей ее болью и разочарованиями.

Это у них избавление от иллюзий? Путь к блаженству Мокши? Избранный не вполне добровольно... А блаженство когда уже будет?

Если рассмотреть всю историю с обрядом призыва непредвзято – ситуация пошлейшая. Подставили, подло и хладнокровно. В результате связалась с каким-то малолетним пацаном. Дать ему толком ничего не могу, куда девать не знаю. Пацан прыткий, не из тех, кого можно куда-то быстро и безопасно деть. Но использовать человека в качестве расходного материала? Господи! Гадость какая...

Подружка моя чертова, дама приятная во всех отношениях, жертва и страдальца, проявила себя тут во всей красе. Жрица божьей милостью, доподлинная и классическая... Манипуляторша высшего разряда. Это вот, все просчитать, на много ходов вперед и назад, с драмой на лице завертеть... И оставить в позиции виноватого. Это не тебя использовал маньяк в юбке, готовый на любое преступление, это ты ее с какими-то неправильными атлантами познакомила, не желающими ничего понимать...

Хорошо хоть родственники поняли, что за птица, и сгребли девушку со всеми потрохами. Правы! Даже страшно подумать, что она доберется до янтры их этой, исполняющей желания.

Насекомая богиня она, понимаете... Однако, не все богине масленица. Муж и жены страны Му, о которых Альтанка поминала, это лемуры, надо полагать. Странная публика... Приходили в видениях. Сар дружил с одним из них. Звали Мгава, по возрасту ему примерно ровесник, молодой еще человек. Однако... Вот, на минутку, представьте себе собеседника ростом за три метра. Этакая чудовищная черная машина. То есть, иссиня-черный, человек-силуэт, одни белки и зубы видны. Огромный негр, одним словом, очень похожий на более мелких своих потомков. Странное существо, от взгляда его и присутствия нехорошо, мутит. Сильный очень, просто давит.

Пока не сядет – невозможно говорить, не докричаться до верха. Башня. Вблизи, против глаз оказавшись, понимаешь – существо это тебе не ровня. Вот, не объяснишь – сразу видно умен человек или глуп, интеллигентен или простоват. Просто по манере смотреть и держаться. Это даже не мурти божества, не умный, могучий предок – это высокоразвитый пришелец с далекой планеты, способный многое объяснить единственным словом и единственным взглядом...

И так сравнить это чудо с его диковатыми, жизнерадостными потомками, до сих пор населяющими пол земного шара... Сильная кровь, древняя. Даже впавший в маразм старец порой показывает в каком-нибудь порыве или слове свой молодой лик, исполненный силы и величия... В них, современных детях Африки, это читается, часто и неожиданно.

Люди-боги Великого острова были детьми лемуров и, видимо, отчаявшись сладить с инопланетной скандалисткой, запросили помощи мам и пап. Ну, что еще делать, если не хотят видеть и понимать? Все мы, когда страшно и трудно, зовем маму...

И мама, даже если старенькая, непременно придет, погрозит сухим пальчиком, и притихнут великовозрастные шалуны... Хорошо бы, чтоб притихли.

Сколько там нужно времени, чтоб подругу уговорить – неизвестно. Может и вся жизнь.

Значит – одиночество и беспомощность. Пустая усадьба в двадцати километрах от Дома детей. По ней бродит несколько местных жителей, с которыми не поговоришь. Шудры. Показываются, только если сами захотят. Еще ни один на глаза не попался. Это вам не старый храбрый Борути. Молодь какая-нибудь. Впрочем, кто их знает...

И есть еще такой Вирата. Вполне видимый, в некоторых хозяйственных вопросах даже полезный. Но он воин. Этим все сказано. Может пропасть куда-нибудь на целый день без объяснений. У него дела...

А ты здесь броди по пустым комнатам и задавайся странными вопросами. Первый, и самый актуальный – в каком виде попала к предкам Ратна. Видение – это не жизнь тела, это такой специфический сон. Значит, должна где-то в доме лежать. Искала – не нашла. Благо, времени много, можно все обыскать. В доме точно нет. Но наверняка есть тайные комнаты, за пределами усадьбы могут быть заимки...

Стало быть, эльфы утащили принцессу целиком. Чтоб не баловалась и не вздумала. Похоже на них. Впрочем, разбираться в местных нравах и подробностях быта – дело неблагодарное. Информационный потолок – есть такая болезнь...

Спрашивала у Вираты, опасениями тот проникся, но тела тоже не нашел. Махнул рукой. Не тягаться с предками, говорит.

Ну, сказки сказками, а пора и честь знать. Попросила однажды милого друга:

- Отвези меня в Дом детей!

- Зачем?

- А и правда, зачем? Ты ж, ведь, знаешь, кто я. Статуса у меня в вашем обществе нет. Появился, было, недавно – дева. Понятно все стало. Живу себе в Доме детей, являюсь кем-то. Не отвезешь – я, вроде, твоя игрушка, как хочешь распоряжайся.

Вирата озадаченно уставился.

- Зачем так?

- Ну а как, милый мой? Ты вот, воин. Захочешь – убьешь меня, потом в кром вернешься, и жизнь пойдет как прежде.

- Не пойдет, - Вирата понурился, погрузился, - ты говоришь злые слова и хочешь уйти, потому что я надоед?

Опаньки! Слово в слово! О чем-то подобном, бывало, спрашивал Сар. Даже жалко парня стало. Пришлось подсесть, обнять. И уж когда немного обмяк, спросить:

- Ты воин, который хочет жениться?

Вирата дернулся и воззрился испуганно.

- Ну, ведь я же не игрушка, меня надо где-то поселить и позволить заниматься чем-то помимо ожидания тебя. Очень неудобно, знаешь, висеть в воздухе.

- Как скажешь, поедем завтра.

И ведь, будет молчать и дуться, запряжет коня и молча повезет куда просят. Мир у него рухнул. И подростком, вроде, недавно быть перестал... Впрочем, нет, не перестал. Двадцать шестой годик – вполне пионерский возраст... И всего-то я на 3, нет на 7 лет его старше, учитывая четырехлетний отруб... 32 мне сейчас, но реально в матери ему гоюсь.

Эх ты, пионер! Опять тебя гладить и в щеку целовать надо.

- Но ведь еду я не в потаенные места. Пустят туда и тебя, вполне статусная теперь личность. Смотри только не влюбись в какую-нибудь девицу. Много их там.

Тискает, звонко целует в ухо.

- Не говори глупости, - подумав, добавляет, - только не будет уже такого, чтобы рядом целый день, чтоб просыпаться вместе...

Однако, назавтра повозку запряг. Все тот же яркий экипаж, все те же рыжие лошадки. Дорога через сочно-зеленый майский лес радовала и умиляла. Но счастливая улыбка с лица вмиг сползала, как только взгляд цеплялся за возницу. Этакая, гибко покачивающаяся из стороны в сторону, треугольная глыба, для экипажа несколько несоразмерная. Не для таких лажен. Для публики помельче. Для красивых миниатюрных женщин, как Ратна, для девчонок и их родителей, в массе более низких ростом, чем воины.

Для другого вида животных, одним словом. Ну, так, если сравнить веселых, ладных, вечно бьющих хвостом, домашних любимцев и волков. Другая энергетика, иначе ее сердце принимает...

Нет, оба вида стоили друг друга, просто вектор их силы в разных руслах тек... Приезжавшие в дом детей кшатрии, в сравнении с детьми и даже жрецами, смотрелись великанами, матерыми, такими, зверями.

И Вирата, не вполне зрелый еще человек по местным меркам, верзилой был изрядным, метра под два. Говорят, воины росли всю жизнь, вымахивая под старость в немыслимую махину. Глама, хотя бы, вспомнить... Нужно им это было, чтобы долго жить и не дряхлеть. Как крокодилы, чес слово.

И да, парень испытывал некоторое напряжение в обстановке не по размеру. Когда тебе несколько мала кровать, лавки и столы столь хрупки и красивы, что даже ходить вокруг них надо осторожно, когда все заставлено массой мелких, замысловатых вещей и развернуться тебе здесь, как коню в посудной лавке, негде. Он не роптал, но внутри, чувствуется, бесился. К другому привык. К казармам этим, своим. Жилью вообще не человеческому, где ощущаешь себя то ли похищенным инопланетянином, то ли добычей на продажу, которой позволяют бродить стреноженной по исполинским пустым залам...

Замечала в воинах, гостях Дома детей, это бешенство от непривычных траекторий и слишком хрупкой, прихотливой обстановки. Молчат по обязанности, но зубами скрипят. Интересно было бы представить себе Сара в такой ситуации. Хотя нет, у этого специфика была. Включил бы в себе жреца. Много в нем было этой природы, чтобы он там не говорил.

Вирата же – просто воин. У людей этой варны, под панцирем грубости и звероподобия, часто скрывается существо, нуждающееся в покровительстве и направлении. Маленький, такой, ребенок. За которого все решает и говорит как правильно, мудрый папа-вождь, или мама, которая ищется во всех многочисленных мимолетных женщинах... С искренней верой, что можно найти. Или просто с отчаянием, потому что очень нужно, даже если в принципе невозможно... Просыпается это дитя, когда суровые эти парни и мужики расслабляются в безопасности. Взгляд такой незабываемый, в самую душу, как трехлетние умеют. Сар, бывало, так глядел. Но... Это был актер и манипулятор тот еще. Агриме, Вишалу и даже Нирмате далеко.

Сыграно так, что уши развесишь и полностью мозги отключишь. Ибо дока перед тобой – знает, видал, переламявал... А сам в тупике... Без понятия, вообще, что делать.

Да, многое он значит для вожака, этот жреческий лоск. Убеждает, даже заворачивает. И тебе тонкая ирония в речах, и просчитанная сумасшедшинка во взгляде. Все, мол, решаемо, просто надо с другой стороны зайти...

Картина меняется, если с этой местной элитой хотя бы недолгое время рядом поживешь. И научишься постепенно отслеживать их коронные приемы... Некогда болтался на шее саров талисман, позволяющий видеть истинный облик и нрав этих мозгокрутов. И прав Сар, что им не доверял... Даже потерянная давно, вещица эта призраком на груди висит, как въелась...

Черт, заразил он ее, этой своей, нелюбовью к жрецам... Но у самого-то веские причины были. А в данном случае что? Зависть? Опыт подставы, полученный от Ратны?

Однако, Сару было сложнее, он ненавидел жреческую половину себя...

Вирата им верит... Отцы и матери, ни один из приказов которых не обсуждается. Что бы не приказали... Жалко его.

Вон какой возвышается на козлах, сверхчеловек. Поди к месту этому волшебному шел не один десяток километров. Сколько там, до его крома? Впрочем, каждый из них выживет голый в зимнем лесу, даже без оружия. Просто догонит и разорвет все, что предполагает себе в пищу. А огонь, чтоб обогреться? Сар показал, однажды пламя на кончике пальца. Просто палец горит, как зажигалка, язычок пламени на ногте дрожит... Огнепоклонник... Правда по его словам, часто творить такое нельзя, лишь в случае крайней нужды, для всех остальных есть огниво. И действительно, зачем ходить по воде, если есть лодка? Только в случае крайней нужды...

Да, приказы... Которые не обсуждаются... Голоса богов в голове... Сказывал Вирата как Место призыва девавраг выбирает и приводит в себя. Усадьба – янтра, обретая свой смысл и движущую силу – жаждущий любви и творения разум, она просыпается и ищет среди людей того, кто способен дать искомое. Там все должно совпасть – и возраст, и характер, и обстоятельства. Найдя, посылает сон.

Сказывал, что там, у себя, в кроме, на одну девку заглядывался. Приезжала гостить в Дом детей, обряды нужные перед посвящением творить. Старше его, собой красавица. Из воительниц Вишну. С мужчинами-коллегам они сильно разнятся. Своей женской стезей идут, не уродует их жизнь, не бьет и не крошит. Другое дает – не женский внутренний стержень, дикую силу, даже дурную. Чтоб все женское вышло на поверхность, горело огнем. Волосы, как у кобылиц – длинные и густоты невероятной. Волшебные просто. С мужами этого пути их, если только, татуировки на лице похожими делают да лукавый, подлый нрав.

Но однажды, прямо перед посвящением, сон приснился. Не до снов перед обрядами, как в пропасть падаешь. Но этот забыть невозможно. Жена такая, каких не видывал. Хотя нет... Это ощущение женского тепла и счастья от матери всегда шло. Но не мать, ни видом, ни правом. Не знал, даже представить не мог, подобной... Не поймешь даже – из рода ли она людского.

Вот так... Любое женское сердце от подобного растает. Понятно, что снилась ему не Ратна. Видно, есть в этой практике уязвимости, которые можно взломать. И Ратна, вероятно, не один год к тому подбиралась...

Какова стерва! Все не понимала сарову ненависть и отвращение к ней... Поняла...

Бывает так, что поступок одного из группы все сообщество перечеркивает. Остальных начинаешь в том же подозревать и подальше держаться. По праву? Нет, просто гнев и обида в сердце кипят. Изломала милая жрица сразу две жизни – мою и этого мальчика.

Повлияет на его жизнь случившееся? Разрушит предначертанный ход событий? По рассказам его выходит – уже начало рушить. Увело от зарождающегося чувства, принесло в жизнь людей и обстоятельства хоть и занятные, но странные, сталкивающие с тайной природой мира. А не всем надо, да и хочется, это знать...

Сказывал, что перед самыми испытаниями приехал в Дом детей при кроме арман один. Сиги его звали. Неизвестно зачем приехал. Не простой он воин был – сар, из тех, кто принимал участие в неудавшемся делании Глама. Дошла эта история и до учеников. Жрецы говорили одно, слухи ходили о другом. Сары, вообще, странные. А этот, такое ощущение, просто из любопытства прибыл. В обрядах участия не принимал, смотрел чудно. Потом подошел, сказал странное: «Теперь ты – один из нас. Знаю, кто тебе привиделся. Дорожи тем, что принял. Удачу принесет».

- Только потом понял, о чем речь. Посвящение – делание на грани смерти, тяжелое испытание. Меня твой образ не раз спасал, силу давал. Знаком был, что все выдержи.

Мило, конечно. Но игра уж очень опасная. Более для меня, чем для него... Вирата... Если вспомнить сюжет Махабхараты, был там такой – добрый царь Вирата, со встречи с которым начался для героев выход на финишную прямую. В страшном их пути сквозь несправедливость, унижения, подспудную вражду. Выход к жизни, свободе и к смерти одновременно...

И этот Вирата о том же?

Встреча по приезде в Дом детей, признаться, потрясла. Ну, приехала и приехала, что за событие? Отбуду пару-тройку дней заключения в гостевом конце, может даже с Виратой за компанию.

Ан нет! Навстречу уже шли нарядные Саура с Агримой, как бывает при встрече неких значимых фигур, приехавших, к тому же, с официальным визитом. За их спинами, чуть поодаль, виднелись Нита и Хема. Тоже нарядные, с постными лицами.

Внутри похолодело. Пока лезла с повозки, подходила и вставала в почтительную позу, в голове вертелась карусель из чрезвычайно коротких, едва различимых воплей: «Они чего, вообще! Что им надо? Зачем все? Черт, надо было понарядней одеться! На кого я опять похожа?!»

Саура выступила вперед. Наклонила голову, сложила руки в намасте.

- Добро пожаловать, избранница!

Саура. Мета первая

Избранница... Пожалуй...

Кто знает лучше моего? Я – молчаливая жрица. Как и пристало вайснави... К чему слова, если твое служение – быть, находиться рядом, и присутствием своим менять мир?

Молчание обостряет чувства. Много начинаешь понимать в тайной природе людей. Слышать то, что они хотели бы сказать, но никогда не обмолвятся...

Но сейчас и мне пришла пора заговорить. Не буду и не имею права в себе держать. Скажу...

Творящееся ныне в Доме детей – не редкость. Бунтуют девочки, заблуждаются и творят запретное учителя. Сколько уж раз приходилось наблюдать. Дух человеческий подобен кипящему котлу – малейшее напряжение и полетел во вне кипящий язык варева.

Перед тем как судить Ратну, ее соратников, дев – стоит всмотреться. Долго и молча созерцать случившееся. Ответ придет. И неизбежно напомним многие подобные опыты в долгой моей жизни... Знаю...

Чаще у детей такое бывает. Возникает, будто из ниоткуда, сильная и звонкая. Перечит, грубит, товарок к тому же подбивает. Как взбесилась. Не слышно было до поры – и вдруг загорелась. Гнев, возмущение в речах, недоверие, попытки навязать свою волю, принизить. Порой даже с помощью сиддх.

Видно все это наивное коварство. Порой дети очень сильными рождаются, думают, что сиддхи – знак мира богов, тех, кому все дозволено.

И по младости лет не подозревают о другой стороне жизни вышних. Не ведают еще. Сила не рушит лишь тогда, когда является орудием великого духа. Зверек с волшебной дубинкой рано или поздно себя покалечит... И не только себя, всех, кто за ним идет.

Так природа заботится о том, чтобы сила служила достойным. Но детей жалко... Им не ведомо пока, что вождь и те, кто за ним идет – единое целое. Верх не будет собой, если не выражает чаянья низа. А беспокоиться и бунтовать вынуждает обычно трещина в привычном ходе жизни, столь же болезненная как телесная рана. Это ощущение объединяет всю группу. Все выражают эту боль. Кто громко, кто тихо.

Но стоит поглядеть на бунтарей сверху и быстро поймешь, что у общей боли есть экзальтация, тот, кому трещина причинила больше всех бед. И во главе группы он обычно не идет. Группа – его слова и руки. И все что делается внутри и во вне ее – его отчаянный протест тяжести и боли бытия. Рушат миры слезы слабейшего из слабых...

Чтобы там не говорилось про гнев и решительность вождей...

Та из девочек, кто громче всех кричит, пугает и хвастается могуществом – часто погрешка той, что несет в себе нестерпимую боль... Они – пара и часто не подозревают об истинной своей связи.

Сила всегда молчалива. Чтобы боевая группа распалась и зажила мирной жизнью искать надо несчастную молчунью и лечить именно ее.

Вижу всех, ко всем тянутся мои нити в этом доме. Не скрою, знала о намерении Ратны, знала что громкая грешница Илгара – всего лишь свист ветра над поистине пугающим омутом.

Но как предотвратить то, что предначертано судьбой? Как можно вылечить и успокоить ту, боль которой питает сам ход жизни? Пурушу, из которого уже начали творить Вселенную!

Да, до действия призыва девавраг добралась та, что, ни при каких обстоятельствах, не должна была добраться. Не имея возможности родить, женщина эта из чужого мира будет стремиться к знанию. И узнать она может такое, что поставит ее над всеми нами.

И это пугает меня и Ниту. Та, что по воспитанию демон, в очень небольшой степени человек и по промыслу судьбы получила всю мощь и покровительство божественных предков – куда она заведет свод? Что может дать людям в своей ипостаси исвары?

Смириться с творящимся? Или что-то сделать? Попытаться пригасить этот огонь? Сделать так, чтоб жестокая сила растеклась по ветвям свода.

Что гасит энергию женщины? Аскеза брака... Та, что принимает на себя любая вайшини. Часть силы жен оттекает мужьям. Таково женское служение своду, где любому дана возможность проявить свою человеческую суть. И что за обида, если слабому за счет сильного? Не нами придуман такой порядок вещей, гармонию мира подобным образом ощущали люди-боги Великого острова...

И есть тот, кому по силам превратить пожар в костер. Кузнец Невзор из соседской общины. Под стать пришлой, подходит как правая рука к левой.

Говорить с ней надо... Как говорить?

Глава 2

Лина. Обстоятельство тридцать второе

После трехдневного «карантина», позволено было выйти к завтраку. Правильная он вещь, этот «карантин». Попадаешь в новое пространство, настраиваешься на него. Не спеша, постепенно. Набираешься сил, придумываешь что говорить и как себя вести... Это надо сейчас. Статус поменялся. И новый ничего хорошего пока не принес, одни тяжелые вопросы к себе и страхи. А что подумают? Ведь знают, черти, где была. Все, вплоть до самых мелких. Знают и будут интересоваться деталями. Дети, народ ехидный и бестактный, точно пристанут... Жрецы будут коситься, напряженно улыбаться и выбирать слова. Уже с порога так себя ведут. Смотрят то ли с жалостью, то ли со страхом... Лох царя небесного... Занесенный по недосмотру небес в сферы слишком тонкие и сложные, чтоб даже громко о них говорить.

Господи помоги! Дай силы все это выдержать.

Однако, опасения не оправдались. Едва показалась в зале, навстречу уже неслась Аса. Тут тебе и объятья с налету, и возмущенное: «Почему так долго пропадала?» Будто сама не любит уходить по-английски. И целый град запальчивых вопросов обо всем и сразу, дерганья за рукава, за юбку. Вихрь! А если учесть прилипшую с другого бока Варниту и еще пяток девчонок, нависших со всех сторон – и вовсе ураган. Пообниматься здесь любили, если уж пошла такая пьянка...

Старшие шушукались по углам, переглядывались, собравшись стайками у стола. Подошла одна Экамея. Сдержанно улыбнулась, по-пацански поручкалась, кулак к кулаку (такую уж она завела манеру здороваться), и уронила своим тихим хрипловатым голосом:

- Тебя не хватало.

Но размышлять об обстоятельствах и отношениях времени не нашлось. Вышла Саура и завела обычные утренние мантры над горящей жаровней. Народ чинно распределился вокруг стола, примолк и сложил руки в наместе.

После завтрака началось то, что, собственно, и ожидалось – шквал наивного детского интереса.

Все местное народонаселение было в курсе биологической сути отношений полов, благо часто приходилось наблюдать в хлеву и во дворе. Так что, сам факт странного романа одной из дев никого не шокировал. Тот самый феномен крестьянских детей. Когда все всё знают, просто признаться мешают суровые обычаи, родительская власть и неудобство момента... Но понимают – стоит подождать, настроиться, и непременно попадется такая временная и событийная ниша, где все сойдет с рук. Если живали в старой деревне – знаете, есть в крестьянском быту подобные неписанные правила... Как бы нельзя, даже может повлечь роковые последствия, но где-то же надо пробовать, так чтоб по собственному выбору и в свое удовольствие...

Здесь по смыслу было то же, только с другим знаком. Тоже видели и знали, в чем суть. Только это был не грех, а победа и удача, дар богов. Только, вот, заикливаться на даре богов не было возможности. Многие отводило и ставило барьер.

Во-первых – ни один из мужчин не нарушил бы табу. И дело тут не в гневе жрецов и промысле палачей. Мужики этого мира знали, что на самом деле за этим стоит. Что бывает, когда поддавшись мимолетному порыву, рушишь чужую судьбу, отнимаешь возможность жить в своде и быть полноценным его членом. А там все было очень серьезно. Если прорвавшись через все барьеры людского, животное все же берет верх – ребенку стирают память и обрекают на множество проблем от получившейся информационной дыры, мужчину исторгают из свода, даже если он заметный и значимый член системы. Даже если это безумная любовь, даже если имеется плод этой любви... Свод держался на незыблемом правиле, все должны это помнить...

Во-вторых, девочки ощущали свой особый статус, очень похожий, кстати, на реалии пионерско-комсомольского детства Пятой расы. Когда существо игнорирует свое положение сверхзначимого героя полового отбора (молодая фертильная самка) в пользу места в социуме. Места ученика. Когда надо обрести себя как полезную обществу личность, сознательную и идеологически выдержанную. Учиться, работать... Да, первым делом самолеты. Ну, а юноши? А юноши – потом. Наверное, поэтому наци в своих концлагерях потрясались количеству девушек среди русских пленниц. И говорили, что эту нацию не победить. А девушки просто строили коммунизм...

И наконец, в-третьих. Им просто было некогда тешить в себе самку, даже если был к тому интерес. Слишком много времени отбирало людское. Человеческая самореализация. Как это выглядит? Можно проиллюстрировать следующим эпизодом.

Представьте бурление юношеского интереса вокруг скандального события. Вопросы типа:

- А этот парень кто? Сердечный друг, как у Хемы? А что не остался? - глаза блестят, толкотня. Заблудшей овцой уже заинтересовались и старшие. Лалита с Живаной оттерли от мелких и трясут, добываясь скандальных подробностей. Какие скандальные подробности? Только плечами пожать...

- Не глянулось здесь, а может, дела у него.

- А может, он тебе не глянулся? Не под стать, вижу. Только скажи, второй раз не сунется, - Лалита сверлит прищуренным глазом. Вот такая – и с воинами будет разбираться, и с чертом рогатым. У недотепы-подруги вечно не хватает характера расставить все точки над i.

Живана смеется:

- Ла, ты хоть воду с ветром пощади! Спусти им на сегодня. До десяти, вон, досчитай!

Лалита хмурится, замахивается досадливо: «Я тебя выскочку!»

- Умная больно, все время под кого-то прогибаться!

Живана хохочет.

Галки... Прекрасные птенцы! Со своими вечными спорами, азартной грызней, страхами...

Рукава и подол опять страдают, за них дергает налипшая мелкота.

- А ты как Нита, ребеночка от него родишь?

Аса спрашивает, в глазах тревога. Что за глупые вопросы? В макушку чудачку поцеловать.

- Да не собиралась и близко.

- А откуда ты знаешь?

- Знаю, маленькая, потому и говорю.

У одного из боков некоторое время уже ощущалась пустота. Тот, кто там, на юбке, висел – отлип. Это насторожило. Помнится, там копошилась и ластилась Варнита...

Теперь она видна была в перспективе, в отрыве от всей компании, за очень странным занятием. Неспешно крутясь и пританцовывая, девочка двигалась через всю залу по направлению к божнице.

Что с ней, господи? Варнита вела себя дико. Напоминала сомнамбулу. Немного сгорбившись, разведя руки, уставившись в пол расширенными, остановившимися глазами, выписывала замысловатые па – топала, вертелась, неожиданно вскидывала ноги, придерживая подол. В одиночестве... Никто не обращал на нее внимания.

Невольно получилась пара шагов по направлению к маленькой причуднице. Шалит? Припадок с ней какой-то? Надо выяснить!

Взгляд упал на стоящую рядом Экамею. Та на Варниту даже не оглянулась, махнула рукой:

- Не стоит внимания. Только помешаешь. С землей говорит. Надо ей сейчас.

- Что значит, с землей говорит?

Экамея пару мгновений пристально смотрела. Оглядела окрестности головы, задумалась ненадолго, потом решила на вопрос таки ответить. Ей странным казался этот разговор.

- У каждой из нас есть земля. Мы связаны. У всех вайшый так. Если плохо земле – ошущаешь, делаешь, чтоб было хорошо. Как она, - Экамея мотнула головой в сторону Варниты.

Хоть ее внимательно слушали, девушка не была уверена, что стоит продолжать. Но тема любопытная. Надо хотя бы изобразить осмысленное лицо – не путать собеседницу. Пришлось собрать губы в кучку и деловито нахмуриться.

Помогло. Экамея улыбнулась краем рта и продолжила:

- Все нельзя словами объяснить – надо увидеть. Покажу, если хочешь.

- Покажи, Мея. Сделай милость.

- Тогда подходи к воротам.

Отделившись от толпы, она зашагала к выходу. Варнита, меж тем, топталась у божницы. К ней присоединилась еще одна девочка, постарше. Просто танцевали, вертелись, временами пронзительно вскрикивали в своем шаманском трансе. Все ходили мимо них с равнодушными лицами...

Весенний лес за воротами встретил прохладным ветерком и свежим запахом хвои. С большака свернули на тропу, ведущую к огородам. Экамея не особо заботилась о том, поспевает ли за ней спутник. Пестрое платье и длинную светлую косу то и дело загораживали кусты и высокая трава. Тропка была узкая и извилистая, как у них всегда. И не просто это была тропа, а оберег от зверей. Специфически проложена, специфически украшена... Здорово, конечно, дети ходят. Но все эти извивы, камни, прям посреде пути, странные штуки, торчащие в кустах то тут то там – неаккуратно как-то. По ощущениям и памяти из прошлой жизни – строительный мусор, ссыпанный вдоль тропы. Но нет... Подойдешь – что-то про фестиваль новаторских архитектурных форм. И металл тут тебе, и дерево, и резьба, и пестрые краски. Янтры... Густо наставлены. Понятно, с тропы лучше не сворачивать...

Наконец, дошли до огородов. Плантации эти мало напоминали, собственно, огороды. Скорее произведения ландшафтного дизайна. Английская традиция полудикого парка здесь сочеталась с французской тягой к порядку и рациональности. Порядок и рациональность – это грядки. Ухоженные, выложенные в виде причудливых фигур – Версаль отдыхает. С высоты птичьего полета – абстрактная картина. Реально очень красиво, аккуратно и замысловато. Композиция – солнце. В центре – массивная, яркая янтра из дерева и металла, вращающаяся, к слову. Но сейчас, в безветрии, почти неподвижная. От нее идут лучи песчаных дорожек, выложенные по краям камнями. Странно выложенные. Камней то густо, то пусто, иные раскрашены, на каких-то причудливая резьба. Напоминает древние лабиринты из камней. Но, знаете, камни и сельское хозяйство – вещи, в большинстве случаев, несовместимые. Если плантация рассматривается как промышленная площадь. Тут, видно, другая доктрина. Шаманство какое-то...

Внутри сегментов – пестрое растительное узорочье. И ботва, и пряные травы, и даже цветы. Обрамлял идеально круглую поляну лес, привнося в это французское рации английскую спонтанность. На грядки свешивались кусты, во многие делянки вклинивались деревья. Желтые, посыпанные песком, тропки уходили дальше, в лесную чащу.

Вот так... Не столько местная любовь к красоте, хотя и она тоже, сколько местная философия. Здорово напоминало мастерскую в доме детей и, по воспоминаниям ухода во тьму, Дом Обы.

Доводилось бывать в этих местах. В апреле, когда в лес за ранними грибами и кореньями ходили. Доводилось видеть копошащихся на грядках девчонок. Но тогда не получилось всерьез и подробно обо всем расспросить.

А хотелось. Сейчас, в зарослях сочной пахучей зелени, ощущалась та особенная тишина, которая стоит в местах не рядовых, мощных. В местах силы. Понималось, что земля эта много людской энергии вобрала. Изменило ее людское присутствие. Такой сад эльфов...

Надо обо всем расспросить. Тем более, что возможность приставать с глупыми вопросами, была. Шли по кромке леса, вокруг делянок. Экамея не неслась уже впереди, а задумчиво брела среди зелени, о чем-то размышляя.

- Мея, когда вы повзрослеете и будете жить в общине, некогда уже, наверное, будет творить такую красоту?

- Почему? – девушка взглянула искоса, удивленно подняв серебристые брови.

- Огород по-взрослому – это большая скучная плантация с грядками до неба, чтоб кормить себя, других и машинам работу облегчать.

- Это у вас такие огороды? – Экамея понурила голову, потом испуганно подняла глаза, наверное, чтоб рассмотреть поле и понять, что не врут и не разыгрывают, - дикость какая! Травы, овощи и фрукты так не растут, а если и вырастут – не принесут пользы. Да и нежить не захочет помогать, если не будет ощущать любовь человека к земле.

Ну да, у них же все принципиально иное. И я тут, со своими дикими устоями...

- Я из другого времени. Ты права – мы дикие, слепые и глухие по сравнению с вами. Я, наверное, пугаю тебя своими вопросами?

- Но ты-то не дикая, аватар-мета. Должна все видеть и ощущать, как часть нашего мира.

- Не вижу и не ощущаю. Должно быть, это во мне спит. Чем больше вопросов и разговоров, тем больше шанс, что проснется.

Экамея, задумчиво наклонив голову, шагала рядом. Играла подолом платья, волнуя пышную огородную ботву. Вдруг оживилась, блеснула глазами.

- А знаешь, я видела то, что ты описываешь. Так мужчины растят злаки. Они держат большой участок земли, чтоб колосу удобнее расти. Нас возили к мальчикам и парням посмотреть. Тоскливые у них поля, ровные как стол... Мы тоже пробуем, как они. Только участки меньше. Сложно их, вообще, понять. Но огороды у них смешные! – девушка прыснула, - как вспомню!

- Что ж смешного?

- Как непричесанная голова, - Экамея расхохоталась, утерла нос ладошкой, - плохо у них получается.

Потом настороженно подняла глаза.

- Значит, вы растите все в пищу, как это свойственно мужчинам? На больших полях? Вы, наверное, часто болеете и не живете долго?

- Да, это так, живем намного меньше вас.

- Но почему не измените?

- Тот кривой свод, который у нас есть, также цепок и могущественен, как ваш. Менять порядок жизни нелегко.

Девушка надолго замолчала. Тематику беседы следовало перевести в какую-нибудь житейскую конкретность.

- Значит, у каждой из вас есть земля, вы с ней дружите, она дает то, что надо для жизни. Это те самые сегменты в кругу?

- Да, и часть леса.

- А зачем лес? Ведь он сам растет.

- Это вира. Плата... Ты заботишься о лесе, он помогает тебе.

- Справедливо.

- Да. Есть еще и другая вира. На каждом участке, растет то, что ты точно не будешь есть, пошлешь как дар в крам или кром.

- Тоже справедливо.

Экамея кивнула и продолжила:

- Если дары погибают – это знак. До того, что плясать мало, надо уходить во тьму. Тех, кто тебя учит и лечит, надо уважать. У меня такое было. Ты знаешь, я – сосуд. Мы умнее и сильнее обычных людей. Пока я не поняла, что люблю и уважаю своих учителей, мой участок с дарами сох. Сейчас у Варниты те же беды. Дары гниют. Она слишком ищет внимания взрослых. Впрочем, у маленьких такое часто...

Подумайте. Оказывается, участок может много рассказать его юной хозяйке о себе самой. Они воспринимали землю как собственное тело, часть себя. Говорили и дружили с ней. И для них переселение, должно быть, являлось серьезной проблемой, до того, что на начальном этапе, чтобы найти общий язык с чужим пространством, строились все, эти их, машины исполнения желаний ценой жизни...

То же было и на земле Бхараты? Слишком смелый эксперимент, который они не потянули?

Вдруг у самых ног прошмыгнуло что-то маленькое и быстрое. Даже ойкнула. Еж, крыса? Существо споро удалялось, шурша травой.

- Потравы тут у вас, наверное, не случаются?

- Редко. Янтры везде. Звери боятся. Если только та, что держит землю, заболит и сама пустит. Кстати, это не крыса и не еж – нежить.

К премудрой этой девице захотелось присмотреться повнимательней. Мысли что ли читает? Вокруг экамеиной головы была сплошная изумрудная зелень. Умиротворение в высшем градусе. Не до копаний ей в чужих мозгах. Опять, наверное, на лице все написано.

- Вон, смотри, - Экамея вытянула руку в сторону одной из делянок, - их несколько там. Земля, кстати, асина. Далеко девчонка пойдет! Впрочем, странностей за ней водится едва ли не больше, чем за мной... - Экамея примолкла ненадолго, потом пояснила деловым тоном, - маленьким сложно направлять нежить, учатся, не все гладко выходит. Но Аса превзошла всех.

С ума сойти.

- А что эта нежить делает?

- О земле заботится, убирает излишек жизни – насекомых, сорные травы, землю рыхлит, есть такие, что поливают.

- И эти, которые там копошатся, тоже?

- И эти.

Прямо какое-то молекулярное сельское хозяйство, только мозги нужны – управлять.

- И что, прям без участия человека все можно делать?

Экамея странно взглянула.

- Можно и в мечтах жизнь провести, лежа в кровати. Но так и не почувствовать ветер в волосах, струи воды, запах костра. С землей приятно быть, приятно ее рыхлить, ухаживать за растениями, говорить с ними, радоваться плодам.

Ну да, земле- и огнепоклонники. Природа храм или мастерская? Природа – это компания, дружеская компания.

- Я люблю свою землю, часто здесь бываю.

- Покажешь?

- Пойдем.

Шли долго. В результате оказались на такой же лесной поляне, только побольше размером. Устройство похожее и та же удивительная красота и умиротворение.

- Это земли старших. Уже совсем на выданье. Я с ними. Сосудам большая нагрузка полагается, чтоб лишняя сила не копилась.

Экамея прошла к одной из делянок и присела на большой, испещренный резьбой, камень в центре. Напротив красиво разлеглись еще несколько.

- Вот здесь мы с ним и говорим.

- С кем?

- С Дьяусом, моей парой. Он тоже сосуд. Сейчас живет в доме детей при краме. Он жрец. Его двойник – точь в точь человек. Он умный, умеет и рассмешить, и рассказать так, что рот откроешь. Я тоже, бывает, гощу у него.

- А вам такое разрешают?

- Учителя знают. Мы должны иметь связь. Но тела же остаются на месте.

Экамея задумалась, понурила голову, оперлась рукой о камень. Потом промолвила задумчиво:

- Сейчас их нет.

- Кого?

- Старших девочек. Уехали в кром с родителями. Сказывали, весело там.

- А тебя почему не взяли?

- Мне 17, ездят с 20. Вот, помогаю им пока земли в порядке держать. Нежить пасу. Устаю, случается. Но мне это надо.

Утреннее солнце кидало блики сквозь листву близких кустов. Заметно припекало уже. Конец мая, погода почти летняя. Здорово, все-таки, что сегодня Экамея оставила скрываться и осторожничать. То ли действительно устает и надо выговориться, то ли доверие уже заслужено. И это можно понимать как большой себе комплимент. Экамея – существо удивительное. Человек и не человек. Если такая тебе доверяет – дорогого стоит.

Смотря на эту странную девочку, ведущую себя как мудрая, зрелая женщина, сам собой напрашивался ответ на вопрос: «Каким образом, почему, не думают они о насущных девичьих делах – отношениях с парнями, любви, потомстве?»

Им некогда... В их жизни столько всего: земля, учеба, духовные практики, боевые искусства, путешествия, отношения слишком сложные и тонкие со сверстниками и учителями... Когда? Когда быть еще и самкой? Если на себя-человека времени в обрез?

Экамея. Мета первая

Меня называют сильной. Да, это так. Материнская утроба не отобрала у меня то, что обычно отбирает – изначальную мощь души и достоинство. Не навязала манеру сторожко оглядываться вокруг и плыть в водах жизни подобно мальку, вечно соизмеряя свой путь с прихотью других...

Мое вместилище, сосуд, дал мне покой. Я помню каждое мгновение, проведенное в нем. Мне нет нужды забывать этот ужас смерти, который преследует всех, выросших в женской утробе. Тело и личность матери часто не могут принять навязанного ей бремени, терпят лишения от плода и отчаянно сопротивляются...

Уговорить мать оставить в живых считается благом, условием житейской гармонии. Добился своего – уломаешь и других. Можешь их также ловко обманывать, незаметно, неощутимо гнуть под свою волю...

Знаю, потому что имею возможность сравнить. Моя основа обрела неоценимый дар – участь сосуда. Это искусственный порядок вещей, промысел разума. Незаметно, но настойчиво убивающий, скрадывающий природу. И природа никогда ему этого не простит. Рождение сосудов – древняя мощная янтра. Мы, ее порождения, связаны между собой. Можем ощутить и понять любого, рожденного подобным способом. Сколько бы лет не прошло с его смерти, сколько бы лет не понадобилось, чтобы он появился в грядущем... Эта янтра – закономерность. Ее исток теряется в прошлом, ее намерение простирается в грядущее... Разум всегда будет стремиться преодолеть жестокий промысел природы.

Мы, сосуды, к какой бы варне не тяготели, в коренной своей природе – воины. Миру не милы наша прямота и честность. Мы не изворачиваемся, чтобы получить блага, не торгуем собой и называем вещи своими именами. Мы – образец достоинства и идем только за теми, кого трепетно уважаем, кто превзошел нас мудростью и добротой. И нелегко это, ибо равных

нам мало. Что можно сказать деве семнадцати лет, видящей мир глазами зрелой женщины, обладающей всеми сиддхами, которые дает посвящение, читающей людей как книги – «Ты еще дитя»?

Поэтому те, кто нас ведет, должны быть близки к богам. Это лучшие из жрецов и наши ровесники, девавраты. Существа двойной природы, божественной и человеческой. В моей жизни есть те, за кем я стремлюсь. Яни и Лют многое таят в себе, как и мы с Дьяусом. Только собравшись вместе, мы можем говорить обо всем не таясь. Не преуменьшать ума и способностей, чтобы не напугать и не вызвать зависть.

Мне не скучно в Доме детей, потому что часть моей силы – это карма покровителя. И мне хватает ума делать так, чтобы никто этого не видел и не ощущал. Я рождена вести за собой и учусь тому.

Знаю, какая страшная беда, если сосуд даст трещину. Будет развиваться с усилием, с перекосом. Его природная мощь разрушит все вокруг. Ему, жаждущему выжить, не достанет силы оглянуться и найти тех, за кем можно идти. Ему будет чуждо желание помогать и заботиться... Такое было в янтре сосудов. И это страшно осознавать.

Это причина гибели Бхараты. Мы знаем ее горестную историю и скорбим о ней... Там было сто таких, как я. Рожденных на пределе сил. Еще в утробе матери, будучи зернами, испытывавших страх смерти, исторгнутых в боли и ненависти. Сосуду не должно в такое попадать. Стремясь выжить, он станет демоном. Без трепета будет пить жизнь из других, превращая в ад все вокруг...

Эта история прошла перед моими глазами, исторгая слезы и дрожь. Задав вопрос янтре сосудов, не думала, что окажусь на их месте и испытаю их боль. Не забудется такое вовек...

Тот, кто должен был стать преданным братом всем шести девавратам Бхараты, не имел сил оглянуться вокруг. Его, старшего из сосудов, хотели убить при рождении. А у него не было привычного человеческого безразличия к невзгодам. Одно дело – каждый день бороться со смертью в материнской утробе, другое – вырасти в сосуде и испытать весь ужас приближающегося небытия с первые мгновенья жизни.

Он не верил никому... Ни себе, ни людям, ни старшим. С сосудами поступать так не по праву. Но поступили. Можно верить миру, в котором творится подобное, можно желать ему блага?

Он так никому и не поверил. И принес с собою ад... Дурьотхана, сын Дритараштры...

Мне страшно думать об этом. Янтра сосудов, связывая всех нас, дает силу. Но она же порождает сомнения. Заставляет внимательно, с трепетом следить за собой. В сосуде может появиться трещина... И во мне? Я смогу убить своих близких, если перестану им верить?

Лина. Обстоятельство тридцать третье

- Ну, ты же понимаешь, что уже невозможно оставить на самотек все происходящее? - Саура, величественно восседает рядом. Любит сидеть прямо и на жестком. Всматривается, как они всегда, неспешно изучая окрестности головы.

Звали для важной беседы. Вырвали из повседневных дел после экскурсии по огородам. Прямо с кухни забрали, от готовящегося, бурлящего и скворчащего обеда. Теперь, вот, пытаются, вопросы нескромные задают, будто виновата в чем-то.

Проще кивать и отвечать: «Понимаю, тата». Но, черт возьми, нескромные вопросы я и сама люблю задавать!

- Оказываю разлагающее влияние на детей?

Прежде чем ответить, Саура выдерживает паузу. Давит чопорным величием, спина прямая, будто палку проглотила, ресницы благонаравно опущены. Сановная госпожа в раздумьях... Потом пронзительно взглядывает, серыми своими, строгими зеницами. Именно зеницами. По-

другому не назвать. Есть в них нечто от видеокамер сложного прибора. Та же холодная, бездушная глубина.

- Нет. Сложнее принять и встроить в жизнь этого дома другое. Точнее, совсем невозможно.

Саура намеренно затягивает темп беседы. И хотя неспешный ритм слов и продолжительные паузы бесят, надо держаться. Тоже надевать маску холода и цинизма.

- Что же это?

- Твой новый статус, - Саура опять медлит, - Ты любопытна, и твоя тяга к знанию обрела источник. Этот поток сделает тебя другим человеком. В разы сильнее, чем прежде.

- Почему ты думаешь, тата, что я буду искать этого знания?

- Будешь. Не сможешь справиться со своей природой. Тяга к блеску богов выше человека, это движущая сила истории.

Опять! Ты б*дь и невольница своей природы. Сколько уж раз приходилось слышать... Но... Но даже страшно подумать, что также как Вирату, тайное урочище ломает еще одного парня или мужика. И он забудет, что прежде любил, будет бродить вокруг и сетовать на судьбу.

За кого они меня принимают? За зверя, за маньяка, этого их, свода? Да, я могу видеть странное после близости. Но чтобы намеренно перешагивать через людские жизни... С собой что ль путают?

Однако, есть такое подсознание... Неумолимый зверь и жестокий бог, равнодушный к людским слезам... Эта седая, ледяная сверхчеловечица об этом? Об этом...

Помолчав изрядно, Саура продолжила:

- Знание – это власть. Ты придеешь к ней неизбежно. Ответ – есть в тебе то, что свойственно старшему? Куда поведешь тех, кто захочет за тобой пойти?

Да не дай бог! Какие еще игры во власть? Увольте!

- Не нужно мне это!

- А куда ты денешься с вершины своего нового взгляда? Неизбежно будешь давать советы, учить и лечить, потому что у тебя доброе сердце. Ты жалостлива, исполнена сочувствия к людям, иначе отказалась бы от Вираты.

Черт! Она, что ли, заодно с Ратной?

- Значит, Ратну ты просто не остановила, тата, хотя могла бы?

Саура усмехнулась.

- И чудовищно подозрительна, боишься всего и без причин обвиняешь близких в ужасных вещах... Хороша исвара! Этот юноша привез тебя в Дом детей. Достаточно посмотреть на вас, чтобы все понять.

Помолчав, Саура добавила.

- Я услышала крик Дану. Но мантра призыва была уже произнесена.

Искать виноватых, ловить на вранье... Да зачем? Оставалось только слушать версию стороны, считающей себя непогрешимой, традиционно решающей все и за всех...

- Ратна поступила не по праву и я скорблю что отнеслась к ее настроениям легкомысленно, слишком уважала и доверяла... Но демоницей ее не назовешь – вещая душа. Знала, видела... Просила, воина, что тебе ближе всех, вернуться. Он смог бы дать то, в чем нуждаешься. Хоть и упомянула об этом вскользь – сразу и безошибочно нашла выход, - Саура искоса посмотрела, прищулив глаза. Вокруг ее головы цвела яркая травяная зелень в стрелах синих люпин... Директриса не обманывала и не хотела зла. Просто добро понимала по-своему, по-сверхчеловечески.

Ратна пыталась воскресить Хади? Ведь ближе мне он... Надо полагать, ничего не получилось. Но на фоне этих странных мыслей, хотелось спросить о другом:

- И в чем же я нуждаюсь до такой степени, что стоит даже мертвых тревожить?

Саура улыбнулась.

- В тепле. В человеческом участии, которое было редкостью в твоей судьбе. Страх, долг, выгода или, вот, жалость, как с Виратой, влекут тебя к людям, заставляют задерживаться подле них. А надо, чтобы в их объятьях ты была просто счастлива и спокойна.

- Ну, как суперзадача.

- Именно, но только не мечта, за которой отчаянно гонишься, а реальность сегодняшнего дня.

- Да где же, мати Саура, такое благо найти?

- Выйди замуж.

- Ну, здравствуйте! Чтобы страху, выгоде и жалости прибавилось еще и насилие?

- Кто же будет тебя заставлять? Это просто совет. Прислушайся к моим словам, погляди на того, кто может стать тебе парой, дай ему себя узнать.

А и то... Давить они не будут, но и с живой не слезут. Добьются-таки своего. Познакомиться – не вагон разгрузить. Интересным человеком может оказаться. В массе вайшьи, при всех странностях, людьми были добрыми и мягкими. Спокойно с ними, весело и безопасно. А может, сам напугается и замуж брать не захочет.

- Делайте, что считаете нужным, вам видней.

- Ну, вот и славно. Спасибо за этот шаг. Он самый благоприятный выход для всех нас.

- О чем ты, тата?

- Занимаясь любовью с мужем, ты не будешь испытывать острое влечение еще раз вернуться в тайное урочище. Зверь и бог в тебе успокоятся. И знание, которое ты будешь неизбежно получать, как часть своего пути, не будет до времени, не покалечит и не ожесточит.

Логично. И, кажется, было произнесено то, что на самом деле является их намерением в отношении меня. В их понимании брак – аскеза. Женщина-вайшья обязана ее нести. А занявшись подобным, уже будет не до знаний и свершений. Как говорить – и волки сыты, и овцы целы. И, конечно же, надо облечь все в красивые слова о моем и общем благе.

С другой стороны, если таких, как Вирата будет уже не один десяток... Временами же зверь и бог во мне будут братья за свой промысел... Как в Хеме и Ните...

Тяжело смотреть ему в глаза, когда приходит в теле двойника и садится на край кровати. Обычно вечерами, едва запалишь лампы и лучины... Говорит, что не смеет прийти в теле, не находит ни сил, ни права. Но не может забыть, не может не видеть...

Жаль его. Не знаешь чем отвлечь. Если только пустыми разговорами. Говорит, что забыть все, что было в тайном урочище – дхарма. Но он отступник. И можно его понять. Это был его первый раз и в таком месте, которое врежется в память навсегда. Во всех его словах, даже в смехе и слезах, слышна это жалоба. Что делать в таких случаях? Говорить старшим? И наблюдать как они, с холодными руками, с холодными взглядами, примутся за дело? Выдернут из него все, что беспокоит...

Я влюбилась в этого наивного парня? Слишком многое ему позволяю? Единолично могу найти выход из этого лабиринта? «У тебя доброе сердце, поневоле будешь учить и лечить...»

Но разговор, кажется, окончен.

- Благодарю, тата, за помощь и совет. Можно ли идти?

Саура величественно поднимается с лавки. Творит в воздухе обережную янтру.

- Рада, что ты приняла к сердцу мои слова.

С разговорами выдернули из кухни. Вернувшись, застала там уже самый разгар процесса. А процесс был не так чтобы сложен, но как-то уж слишком многослоен и объемен для детско-молодежных мозгов. Все надо успеть, разбить на множество этапов, за всем уследить... Требовали как со взрослых, при этом бросали в бурлящем кухонном хаосе на произвол судьбы.

Четыре ребенка, 8, 13, 18 и 23 лет пытались выжить в сложных обстоятельствах. При этом не напоминали страдалцев. Демонстрировали сдержанную грацию роботов на отлажен-

ной линии сборки. Лица спокойны, движения неспешны, но идеально точны, все под контролем. Этакie профессионалы мишленовского уровня на идеальной сверкающей кухне...

Фантазмагория. Даже для абсурдистского сюжета как-то перебор. С другой стороны, местные уже с пеленок понимали приготовление и прием пищи родом религиозной практики. Даром богам, соединением со всем сущим. Технологии готовки соблюдались с безукоризненной точностью. Никаких лишних движений, бестолковой беготни и досужих разговоров. Медитация. Впрочем, постигать Дзен среди кастрюль здесь начинали едва поселившись. Годам к тринадцати были уже профессионалами высокого класса. Самообслуживание...

Взрослых на кухне не было. То есть, поначалу кухню почтила своим присутствием директриса, но пробыла недолго. Позвала за собой еще одну дежурную, новую деву, и оставила детей творить чудеса самостоятельно. Бог ее знает, зачем она затеяла этот разговор о замужестве? Должно быть, пришел какой-нибудь благоприятный астрологический момент.

В астрологии здесь все были доки. Дрѣта – это неперемѣнный фон жизни, едва не с младенческого возраста. Даже Варнита, хлопотавшая сегодня на кухне, разбиралась в ней гораздо лучше своей нескладной подруги из будущего. То есть, серьезно надув губки и выкатив глаза, могла выдать нечто вроде: «Ты с ума сошла лезть туда в такое время? Не понимаешь, что ли?» В неположенное время нельзя было ухаживать за скотом, готовить некоторые блюда, входить в специализированные помещения, даже убираться и прихорашиваться.

Как там скрипела и двигалась астрологическая шкала в ее маленьких мозгах – даже страшно себе представить. Но двигалась, скрипела и выдавала результат. У старших все было еще серьезней, но в отличие от Варниты, они молчали и хихикали в ответ на очередной астрологический ляп.

При таком раскладе для местных обитательниц отнюдь не было секретом, кто будет дежурить сегодня. Свою астрологическую ситуацию все примерно представляли и даже сами спрашивали учителей: «А когда уже? Пора, вроде...» На кухне было интересно. Тут можно было ощутить себя волшебником, который из обычных вещей создает чудо. Реально чудо, способное многих поразить и порадовать. Мало того, дежурный считался старшиной. Тому, кто ведет сегодня ритм дня, можно было важничать. Ему кланялись, благодарили, даже читали именныe мантры, величали. На время он становился героем анклава. Чувство приятное. Но и ответственность за себя и свою деятельность тоже многократно возрастала. Надо было многое держать в голове и учитывать. Величание помогало, подпитывало ведущего. У этого народа незыблемой была доктрина – если хочешь получить нечто от человека – дай ему и нечто от себя. Почтительно относились к учителям, ибо те дарили опыт и знание, почтительно относились к ведущим дневной ритм, его ведение стоило усилий и хлопот.

По смыслу величальная мантра была следующей формулой: «Сильный и славный такой-то, с тобой мощь богов и здоровье». Ну, вроде странно звучит, а приятно. Реально вливает силы, когда хором или поодиночке произносят. Здороваясь с утра, благодаря за удовольствие от пищи, прощаясь вечером.

Вот таким было дежурство в их понимании. От четырех девочек разных возрастов, их помощницы и куратора-жреца требовалась не только организация трапез. Если это был баный день – они вели все ритуалы. Первые просыпались, чтобы звонить в гонг и читать мантры богам, последние ложились, возвестив отбой и подготовив к нему тела и сознания всех местных обитателей. А если учесть, что о личной гигиене и чистоте одежды девочки заботились сами – надо было держать руку на пульсе и в этой области. Смотреть за готовностью мылен, очистительных коробов и санитарных помещений. И о скотине нельзя забывать. Функцией дежурных было распределение работ. Им беспрекословно подчинялись.

Хлопот много, прожив такой день, конечно, уставали. Но ощущали, что прошел он не зря и хотели повторить этот опыт. Да, подходили и спрашивали: «А когда уже? Вроде, пора».

По сути, на энергии и мироощущении этих шести дежурных, идеально попавших в астрологический ритм, держалась вся жизнь общины, от их воли и умения зависело каким запомнится этот день, все ли будет ровно и благополучно.

Несмотря на хлопоты, это был интересный опыт. На тебя настраивался весь механизм общины, узнавал как ты видишь мир, что ценишь. Ведь готовили еду из овощей, фруктов и корней, выращенных собственноручно, в своем сегменте огорода. На завтрак, обед и ужин были блюда, которые нравились, в первую очередь, поварихе. Незыблемый устой – чтобы готовящая демонстрировала именно свой вкус.

Да и сам процесс радовал. Ведь окружали те, кто нравится, с кем точно на вечерке рядом сядешь. В Доме детей все примерно знали, кто с кем имеет сходные вкусы, дружится и способен договориться. На фоне астрологического расклада, учитывали еще и это.

Поэтому, да, пахло прекрасно – любимым и долгожданным. Рядом были единомышленники, способные оценить твой вкус...

Живот сводило. Так что самым правильным шагом было заступить с Варнитой за нарезку салата. Полуденная еда, согласно Аюр-ряду, должна включать в себя все шесть вкусов, ни одним меньше. Иначе отобедавший будет кусочничать, в надежде добрать недостающие ощущения. Еда была не таблеткой от голода, но философией бытия. Там все должно быть просчитано и гармонично сочетаться.

Существовал и строгий алгоритм принятия всех шести вкусов. На взгляд жителя Калиюги, парадоксальный. Начинали со сладкого или кисло-сладкого напитка, продолжали густой похлебкой и заканчивали вторым блюдом.

Напиток, как ни странно, требовал самого долгого поварского опыта. Приготовить такой взвар – высший пилотаж, одних ингредиентов там было несколько десятков. Это был не морс и не компот, а, своего рода, аперитив, для того чтобы разжечь огонь пищеварения. Изредка в него добавляли даже алкоголь.

Колдовала над кулинарным шедевром яркая, щеголеватая Дьяра, не позабывшая на кухню ни крупные серьги, ни бусы, ни браслеты. В свои 23 она считалась девицей на выданье, к которой младшие относились с почтением, как к учителям, даже называли тата.

Шустрая рыжая Забава, та самая девчонка, которая обозвала при общем знакомстве дочерью Мары, вертелась у сковородки с бараниной. Сегодня будет жаркое ее приготовления. Выловить бы там кусочек этой шипящей красоты. Но пробовать нельзя – сперва богам.

Над похлебкой углубленно трудилась пухленькая, серьезная Малей. Девочка на вид лет десяти, почти ровесница Варните. Но ей было 13. Эта их, молодильная янтра...

Малей пребывала в своем занятии целиком, помешивала, принималась. Шутки в сторону. Густая похлебка была вторым блюдом и должна была подготовить едоков к принятию основной пищи.

Основа обеда – это белковое блюдо и гарнир, обычно салат из вареных или свежих овощей. Сегодня – забота Забавы и Варниты. Готовила его обычно пара – маленькая девчонка начинала учиться искусству кулинарии с салатов, ее напарница постарше, лет начиная с 18, уже поднаторела в благородном поварском деле и бралась за блюда посложней.

Белковая пища – не только мясо. Его ели не каждый день, а только по вторникам, четвергам и воскресеньям. Так, вот, опять невольно вспомнишь православный обычай. Во все остальные дни белок получали из бобовых или сыра, особого продукта, который помнился еще по саровой торбе. Напоминал индийский панир. Его можно было жарить и тушить в соусе.

С белками тоже все было сложно – сотни рецептов, не один десяток составляющих в каждом блюде, да еще соусы, как отдельный вид искусства. Опыт надо было иметь и обширный.

Помощник-дежурный не контролируя приготовление блюд, был преимущественно метрдотелем и посудомоем. Впрочем, поварихи не особо важничали и, если было время, помогали. Куратор-жрец присутствовал на кухне обычно только в начале, задавал ритм. Как все закру-

тится, мог, если требовали дела, уйти. Сегодня, согласно токам светил, кураторствовала директриса. И как обычно у нее было много дел...

Накрывая на стол, думалось, что традиция дежурства – идея, в целом, очень хорошая. Да, провертишься весь день, да будут тебя слушаться и величать. Но сколько рук и голов освободят твои бытовые хлопоты. У всех может быть своя жизнь – творчество, общение, отдых, наконец. Такова жизнь в коммуне. Местный порядок... Сравним, с так называемой, моонуклеарной семьей, где женщина дежурит каждый день... Но без поклонов и величальных мантр.

И они еще считают брак аскезой... Не живали вы в Пятой расе, голубчики. В общине у них также заведено вести хозяйство, как в Доме детей. Довелось наблюдать. Как дальше жить будут, так и учили.

На обширную «божью ладонь» ложились тарелки и рушники, всплывали и воцарялись дымящиеся явства. Из дверей показались любопытные носы. Запах давно уже терзал юные желудки.

Но всему свое время, стол надлежало порядком убрать, чтоб богам показать не стыдно. За новой горой тарелок приходилось бежать на кухню. Хранилась вся сервировка в особой кладовой. Аккуратно, удобно, как в дорогом ресторане. Точно такой же рационализм и просчитанная эргономика царствовали на кухне. Все это были сугубо складские и промышленные помещения, где не принято было бродить без дела и убивать время болтовней.

В чем-то кухня походила на баню – более место для практик и ритуалов, чем расслабляющий спа-салон. У любого их помещения была определенная энергетика, которая выражала себя даже в оформлении двери. Кухонное оборудование, мебель, декор организовывали не только рабочее настроение, но и задавали рациональные маршруты. Скажем так, дружественный психике интерфейс, максимально энергосберегающий. Продуманная эргономика? Да. Но это помещение было янтрой-вместилищем, которое настраивало определенные частоты энергетики всех сюда попавших. Много такого бытового мозгокрутства было в вайшских жилищах. Когда само ведет, провоцирует к определенным действиям. Это будто на рабочий штифт мотора надели рабочую насадку, то есть тебя. И завертелось.

Но двигатель надо было включить. Для этого пели мантры и строго выполняли ритуал входа в процесс. Здоровались по утру с печью, возжигали, наполняли водой ритуальный сосуд.

Печь, как и в бане, была почти живым существом, со своим именем и нравом. Напоминала большую плиту на ресторанной кухне. Варочные поверхности, духовки (никаких лежанок и прочих левых устройств). Топилась дровами и углем, и как все их механизмы, была шедевром инженерной мысли. Накалялась быстро, топлива ела на удивление мало.

А вообще, веселое это было место. Росписи на балках и стенах, резная мебель под существ невысокого роста, множество идеально вычищенной (забота помощницы, кстати) металлической посуды. Порой очень причудливых форм. Глазурованные тарелки по полкам в кладовке. Яркие, красивые. Резные лари для текстиля. Буфеты и бочки для припасов. Даже своеобразное подобие холодильника. За счет чего работал этот обширный, весь в металлических накладках, деревянный шкаф, предстояло еще узнать. Кухня находилась на втором этаже, и холодильник этот точно не совпадал с реальностью старой деревни, где все скоропортящееся хранили в ледниках под землей. Но у них много было странных вещей с непонятным принципом работы...

Однако, когда руки привычно летают в знакомой, нудной работе, не успеваешь отслеживать ее этапы. Только что начала ставить тарелки, а стол уже накрыт. Надо складывать руки в намасте, наблюдать вереницу девчонок чинно идущих к столу, принимать поклоны...

Когда-нибудь, может уже вскоре, этот игрушечный мир сменится взрослым, где все будет также, только крупнее и серьезнее. Возможно, страшнее и больнее... Уже не игра... Жизнь... В еще одном ее местном аспекте.

Я готова к этому? Нет...

Альятанка. Лара первая

Лара... Так мы называем сгусток мысли, который родившись, начинает довлеть над бытием, сдвигать и определять его ход. Родается звук наивных слов, досужих размышлений, как нежная струя чистой воды. Но смысл той речи столь силен, столь значим, о столь важных вещах, что обрастает горячим жестким коконом. Вещью становится, явлением, предметом силы, гнущим материю мира по собственному произволу.

Вот что такое лара для нас... Скажу одну из них. Мне она принадлежит и стала частью моей жизни.

Гостя из далекого мира ворвалась в тихий ход воздушных струй, в реве и пламени канула в водную глубь. И пошли круги по поверхности вод, тех вод, что пребывали незблемыми века...

Волны – это внезапный удар, сдвиг привычного, уносящий в отчаянном порыве... Они взяли меня в плен, окутали своей липкой силой... Не могу устоять... Не знаю насколько я и мой мир правы.

Она хотела знать, почему мы дали себя убить. Но убивает одно лишь всемогущее время. Дорогого стоит плыть в его неспешных волнах... Противясь движению, завиваясь в спирали и бурля, эти волны уносят части тебя, по кускам...

Мне дано видеть ход времени целиком. Живу в тайной стране, осколке родного мира. Имела возможность наблюдать его исток, расцвет и закат... И вот, что я скажу: «Помимо времени убивает и добро... Жалость, пламенный жар сердца и любовь...»

Как оказалось... И это горькая истина. Божественное благо любви – слишком большое усилие для этого мира. Такое же большое, как дать женщине открыть себя...

Родившись в женском теле, каждая из нас ощущает себя бутоном, которому не суждено раскрыться. Так и высохнет он зеленым и скрученным. Утешать себя, что такова карма женского воплощения? Изнемогать под тяжестью жестоких телесных и общественных законов? Все время приносить себя в жертву, потому что создана для того?

Создана? Для того? Все одно что целиться в бога, вообразив, что сможешь его убить... Целились, убивали, унижали. Знаю эти истории из снов моей несчастной правнучки... Страдали тела, в которых бог приходил спасать мир. Но сам бог смеялся и плакал. Ему было странно и жалко людей. Жалко потому, что когда-то существовали мы...

Мы первые в этой культуре поняли, что женственность – ипостась бога, тот его шлейф, что остался в мире форм и полей. Принимать и осознавать женственность в себе – обращаться с молитвой к богу. Уважать и раскрывать – привносить в жизнь божественный аромат. Надо быть очень сильными, чтобы понять и принять такое...

Мы многое выдержали, многое построили в себе и во вне, мы молились... И цветы женских душ стали открываться. Из них лился аромат божественных миров.

Мы росли ввысь, к небесам. Все живое в мире взялось помогать нам. Родился мир, где разуму удобно и легко. Где нет вражды, где нет чужих, где дети рождаются и растут в любви. Все это – мечта женщины, ее природа. Раскрывшись во всю ширь, она исполнена благой мощи, может менять мир одним своим присутствием.

Наш мир был и остается более полевой структурой, чем материальной. Ключ к его благам, вход в него – уважение к своей женской природе, признание ее приоритета. До того, что мужчинам приходилось искать и проявлять в себе женственность, чтобы жить в подобном социуме. Так война больных самолюбий превратилась в науку и искусство, войны в игры, а жажда власти в ответственность за слабых. Порой они носили на поясе небольшой круглый сосуд, чтобы напоминать себе – «Не обладая физической женской сутью, я в полной мере обладаю ее тонкой версией».

Эти круглые предметы были символом органа, который способен менять мир, также как меняется сам. От почки, до обширного мешка, в котором растет новая жизнь. Это самый чудесный и самый выносливый из органов тела, способный к фантастическим трансформациям. И символ власти, способный менять поля и формы по своему произволу. Без войн и пота, просто находясь рядом... Его предъявляют как ключ, желая войти в страну богов.

Да, наш мир не делал разницы между вместилищами духа. Неважно, в каком теле ты рожден, важно как ты проявляешь свою разумную суть. Силой и умением менять обстоятельства обладали люди обоих полов, никто не был отлучен от потока знания.

Но время шло и разрушало плывущих в нем. Пока ты молод, пока о тебе заботятся матери, все дается легко и быстро. На многое махаешь рукой, понимаешь временными трудностями. Зрелость и память бед приносят другое настроение. Понимаешь, что разница между людьми – реальность. Тело, история, энергия основы – все это приносит неповторимый оттенок бытия. И получается, что правая рука не понимает левую... Не желает слышать, не желает пребывать рядом, живет своим миром и умом. И права. Но странно это... Ты поручаешь подруге свое дитя и знаешь, что относиться она к нему будет как ты, в точности, до капли... Будет лелеять и любить. Но нет, не будет. Чужая... У нее своя правда и свой путь.

Еще большую рознь приносит тело. Наши братья, сыновья и отцы, давно уже имеющие тела по красоте равные женским, давно уже забывшие, что значит брить бороду, все чаще снимали с пояса сосуды силы... Все чаще стремились во вне, к кровавым дракам с чужаками. Они не замечали, что начав войну, давно уже воюют друг с другом... Как предначертано для них жестоким ходом бытия...

Озверевшие, слабые, падшие в адские миры, они стали чужими сестрам. Должно было от них отречься, дать им, наконец, истребить друг друга. Это было бы правильно и безопасно? Ведь с силой сестер им не тягаться. Мир пчел Хисткри, откуда пришла Хасмири, сделал так. И продлил свой век на тысячи лет. Мужской энергии для жизни надо немного. Избытку позволяли следовать своему пути. Их не спасали без их воли, всегда спрашивали: «Ты действительно хочешь проявить свою суть самца в ущерб человеческой? Хочешь убивать и рушить просто потому, что природой предназначен к тому?»

В улей возвращались не все...

Но в нашей культуре мужчины – это те, кого мы с трудом родили, долго воспитывали, в кого верили. С кем связаны тысячами нитей... Наш долгий, разрушительный цикл воспроизводства обманул нас и на этот раз? Или из всех путей мы выбрали тот, что более других подобает разумному существу? Просто вынуть из ада... Не спрашивая.

Зная чужую историю начинаешь сомневаться в себе... По праву мы поступили, вернув демонов в рай? Изменили мир, поделившись с несчастными частью своей силы? Стоило вкладывать всю свою мощь, чтобы предотвратить неизбежное?

Вопросы... Тяжкие вопросы, что принесла с собой эта пчела из иномирья, Хасмири-Илгара-Ратна...

Та практика, которую ввели наши праматери называется брак. Заведомый ущерб в силе, который терпит женщина ради мужчины. Ради того чтобы оставить его человеком, чтобы дать ему возможность проявить разумную суть. Мы вынули их из ада, вернули в семью сестер, лишив себя множества путей и возможностей. Великие души перестали приходить в наш круг. Просто не имели возможности воплотиться...

У наших детей, арьев, без практики брака не возможно выжить. В мире Лины отцы, сыновья и братья вообразили себя избранными, к которым по определению должна притекать сила женщин, питать их... Женщины считаются безликими источниками тонкой пищи и засыхают зелеными бутонами, так и не раскрывшись...

Мир убивает доброта и любовь?

Как принять это? Как с этим смириться? Мне, матери, яли, суть которой – любовь и добро...